

НИК
ПЕРУМОВ

Приключения
МОЛЛИ БЛЭКУОТЕР

• ОСТРОВ КРОВИ •

Приключения Молли Блэкуотер

Ник Перумов

Молли Блэкуотер. Остров Крови

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Перумов Н.

Молли Блэкуотер. Остров Крови / Н. Перумов — «Эксмо»,
2017 — (Приключения Молли Блэкуотер)

ISBN 978-5-699-94440-8

К тринадцати годам Молли Блэкуотер, девочка из хорошей семьи, успела многое: сделаться злокозненным магом, побывать в плену у «варваров» – Rooskies, с которыми воюет ее родное Королевство, обрести друзей, сразиться с Особым Департаментом, преследующим магов, спасти свою семью – и снова ее потерять. Но почему она, никогда не сдававшаяся, – вдруг сдалась? Потому что пришла пора сделать шаг навстречу тому, от чего она убегала. Пришла пора потребовать ответы на все вопросы, даже если для этого придется заглянуть в бездну. История завершается. Детали головоломки становятся на место. Главные тайны ждут разгадки – на острове Крови!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94440-8

© Перумов Н., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Синопсис, или Что было раньше?[1]	5
Пролог	9
Часть первая	11
Глава 1	12
Глава 2	25
Глава 3	48
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Ник Перумов

Молли Блэкуотер. Книга третья. Остров Крови

Синописис, или Что было раньше?¹

«За краем мира»:

В результате чудовищного Катаклизма, смешавшего страны, континенты, миры и времена, старая добрая Англия превратилась из острова в полуостров и вместо Шотландии оказалась связана с... чем-то очень похожим на Русскую равнину.

В мире царит эпоха пара, и властвует в этом мире Бриатаннийская Империя, владеющая многочисленными колониями в южных морях. В сердце же её – старое Королевство, сама Англия.

Но за северной границей Империи, за хребтом Карн Дред, живут странные и непонятные варвары, которых в Королевстве именуют Rooskies. У берега Северного моря, в устье реки Мьёр, лежит город Норд-Йорк, а в нём живёт девочка по имени Молли Блэкуотер, дочь почтённого доктора Джона Каспера Блэкуотера.

Королевство пребывает в страхе перед неведомой «магией», что может проявиться у любого человека. Магия поначалу даёт своей жертве силу исполнять мелкие желания (ну, скажем, чтобы у раздражающего соседа вскочил чирей на задку), а потом превращает в кроважидное чудовище, чтобы затем сжечь в огне страшного взрыва, что испепелит и самого несчастного, и всех, кто вокруг него.

Поэтому в Королевстве существует Особый Департамент, отыскивающий подобных личностей, наделённых магическими способностями, и делающий их безопасными для общества.

Любыми средствами.

Молли Блэкуотер была необычной девочкой. Она любила рисовать боевые корабли и бронепоезда, что воюют с варварами. Её семья была состоятельна, Молли отлично училась, и казалось, всё идёт как нельзя лучше, пока Молли не заподозрила, что у неё самой есть скрытые магические способности.

Она увидела во сне, как получает тяжкие повреждения бронепоезд «Геркулес», а потом узнала, что он и вправду был подбит, и притом именно так, как в её ночном видении.

Потом Билли, знакомый мальчишка, доставивший Молли эти вести, едва не попался на краже, и, спасая его от полицейских, Молли проделала нечто, весьма напоминавшее магию. В другой раз очень странным, почти необъяснимым образом спасла из-под колёс бродячую кошку. Кошка, кстати, оказалась отменной крысоловкой, так что мама даже разрешила Молли оставить Диану (так девочка назвала свою находку).

Но, спасая кошку, Молли привлекла внимание Особого Департамента. В тот момент ей помог скрыться пленный мальчишка-Rooskii, однако Департамент объявил охоту на Молли.

После того как офицеры Департамента явились домой к девочке, она поняла, что надо бежать.

¹ Официальная страница автора ВКонтакте: <http://vk.com/nickperumov> Официальная группа автора ВКонтакте: <http://vk.com/perumov.club>

Ей вновь помог тот самый мальчишка-Rooskii по имени Всеслав. Молли решила поступить юнгой на бронепоезд (разумеется, под чужим именем). Всеслав, судя по всему успевший сбежать из плена, провёл Молли канализационными тоннелями к самым ангарам.

Молли и в самом деле удалось поступить юнгой на «Геркулес». Дело решило то, что старший боцман Барбара Уоллес и коммодор Реджинальд Картрайт увидели на её спине следы жестоких побоев. Сама Молли их не увидела и так и не поняла, откуда они взялись.

«Геркулес» выдвинулся для поддержки войск, наступавших на «варваров». Молли узнала о загадочной медведице Седой, что, по уверениям солдат, наделена поистине волшебными свойствами.

Во время жестокого боя Молли сумела ранить медведицу, которую до этого не брали ни пули, ни снаряды. Однако «Геркулес» оказался тяжело повреждён, а саму Молли похитили два зверя – волк и медведь.

Оказалось, однако, что это не звери, а брат и сестра, тот самый Всеслав, способный обращаться в медведя, и Таньша, вервольф, или, как она сама называла себя, «верволка».

Они доставили Молли в дом волшебницы «варваров», Предславы Меньшей, которая и объяснила, что Rooskies умеют подчинять себе магию, субстанцию несомненно опасную, но – не непобедимую. Предслава объяснила, что Молли тоже владеет магией, как и все люди, вообще все. И «варвары» не отпустят её, пока она не вернёт «долг крови», пока не сделает нечто, очень для них важное.

Всеслав, Таньша и Молли отправились за перевал, в земли Rooskies, к средней сестре Предславы, которой предстояло учить девочку. По пути оборотни показали Молли сожжённую солдатами Королевства деревню.

На перевале они трое еле прорвались через армейские кордоны. Прижимаясь к спине медведя Всеслава, Молли слышала крики в свой адрес: «Ведьма! Убейте ведьму!»

Однако они проскользнули.

Там, за перевалом, Молли передали в руки средней сестры Предславы, целительницы.

Она рассказала, что должна сделать девочка, чтобы вернуться домой.

Оказалось, что только она подходит, «словно ключ к замку», к очень сложному заклинанию, что должно успокоить грозящий гибелью всем землям «варваров» вулкан. После этого Молли было обещано беспрепятственное возвращение обратно в Норд-Йорк.

Но для этого ей следовало прежде всего научиться использовать магию...

К сожалению, уроки не продлились долго. Армия Королевства начала наступление, и Молли вместе с наставницей оказалась на передовой.

В бою с прорвавшимися бронечастями Империи Молли пустила в ход магию, чтобы предотвратить гибель госпиталя с ранеными воинами Rooskies.

Однако вырвавшаяся на свободу магия оказалась слишком сильна, и бой едва не обернулся для Молли гибелью. Девочку пришлось отправить к самой старшей из сестер-волшебниц, ибо только та могла справиться с последствиями.

«Госпожа Старшая», как называла колдунью Молли, жила уединённо, дом её окружал частокол с насаженными на него живыми головами королевских стрелков и офицеров, имевших неосторожность оказаться у неё на пути.

Она и стала учить девочку.

Учение оказалось трудным, Молли частенько влетало за всякую провинность, но и тут тратить на уроки много времени оказалось невозможно. Вулкан пробуждался от эха магии Молли, от того самого её удара, которым она спасла обречённый госпиталь «варваров». Все чародеи Rooskies, оставив свои дела, собрались возле Чёрной горы, чтобы справиться с разбушевавшимся подземным огнём.

Во время проведения обряда огромными усилиями Молли удалось замкнуть их силы в цепь. Вулкан умилили, но госпожа Старшая была тяжело ранена, защищая свою ученицу от неведомых «теней», нового и непонятного врага.

После этого Молли вместе с Всеславом и Таньшей отправилась на фронт. Ей удалось, используя магию, остановить прорыв бронесил Королевства, после чего армия Её Величества начала отступать обратно к перевалу.

Считая свой долг выполненным, Молли Блэкуотер возвратилась домой – до Норд-Йорка её провожали всё те же Всеслав и его сестра.

Однако в родном доме Молли ждала засада, устроенная Особым Департаментом.

Девочка была схвачена.

«Сталь, пар и магия»:

На допросе в Особом Департаменте у Молли не нашли никакой магии – она была растрачена на поле у Мстиславля и до сих пор не вернулась. Однако отпускать «подозреваемую Блэкуотер» никто не собирался, а лорд Спенсер, пэр Империи, взявший в свои руки дознание, – прямо обвинял её в «сотрудничестве с варварами». Семья Молли была взята в заложники, и Молли от отчаяния придумала, что «варвары» отправили её в Норд-Йорк с разведывательной миссией.

Лорд Спенсер сперва, очевидно, не поверил Молли, но велел написать сообщение и оставить в «условленном месте». К полному изумлению Молли, записка из её импровизированного тайника исчезла, лорд Спенсер уверовал в реальность «миссии» и наличие «связного варваров».

Жизнь как будто вернулась в прежнюю колею. Молли и её семью отпустили, папу даже повысили, присвоив армейский чин.

Однако тут Молли внезапно обнаружила, что у младшего брата пробуждаются магические способности.

Увлечённый игрой в шпионов, лорд Спенсер отправил Молли с отцом в уважаемый и очень престижный Пушечный клуб, на вечер «отцов и дочерей».

На этом вечере Молли неожиданно для себя столкнулась с неким мистером Рональдом Питтвиком, богатым индустриалистом, ушедшим на покой, мгновенно ощутив в нём «запах» магии, что могла принадлежать только госпоже Средней.

Оказалось, что мистер Питтвик давно уже помогает «варварам», которые, в свою очередь, снабжают его эликсиром, позволяющим притушить и скрыть те небольшие магические способности, что у него имелись.

И в Пушечный клуб он привёл Таньшу.

Волка уговаривала Молли бежать из Норд-Йорка обратно, за Карн Дред, но Молли отказалась.

А лорд Спенсер внезапно потребовал от Молли привести на встречу с ней связного варваров.

Молли, будучи уверена, что ни Таньша, ни Всеслав на эту «встречу» не явятся, опустила соответствующее письмо в тайник – откуда её корреспонденцию под прикрытием магии доставала кошка Ди, явно куда более умная и умелая, чем положено обычной домашней кошке.

Однако она ошиблась. Оборотни, понимая, что идут в ловушку, пришли всё равно, надеясь вытащить Молли и скрыться с нею в лесах. В завязавшейся схватке Медведю и Волке удалось избежать плена, но и захватить с собой Молли они не смогли.

Растрченная магия к тому времени вернулась к Молли, и, защищая оборотней так, чтобы это было незаметно охотникам, она израсходовала её вновь. Лорд Спенсер подверг её ещё одной проверке, в ходе которой обнаружил некое загадочное качество, «пустоту отсут-

ствующей магии», что якобы делало Молли сродни самым аристократическим фамилиям Королевства, наделённым этой непонятной пока чертой.

Это открывало Молли, по словам лорда Спенсера, дорогу в самые привилегированные слои высшего общества.

Однако сама Молли крайне беспокоилась из-за ожившей в брате магии. Она приняла было решение бежать вместе с ним и оборотнями за Карн Дред, однако Особый Департамент успел обнаружить дар её брата и атаковал ночью дом семьи Блэкуотер.

В схватке Молли раскрыла себя, однако вместе с братом ей удалось скрыться в подземельях Норд-Йорка.

В глубоких тоннелях они столкнулись со странным «ожившим железом», местом, где старые механизмы словно бы вбирали в себя магию, обретая видимость жизни.

С трудом вырвавшись из заколдованного места, Молли и её братик Билли встретились с давним приятелем Молли, Биллом Мюрреем.

Сбежавший от полиции Мюррей сделался вожаком шайки беспризорных мальчишек, обитавших в старых тоннелях под городом.

Шайка промышляла мелким грабежом, хотя Мюррей и уверял Молли, что «грабит только богатых». Молли, скрепя сердце, согласилась помогать.

После успеха первого совместного ограбления Мюррей, видя, что воровская жизнь Молли не по нутру, предложил ей «благородное дело» – освободить мальчишек-беспризорников, заключённых в работном доме, и попутно позаимствовать хранящуюся там кассу.

Молли согласилась. Однако оказалось, что Билл Мюррей привёл её в ловушку, соблазнившись щедрой наградой, обещанной Особым Департаментом за её поимку.

Молли сумела бы отбиться, наверное, однако пожаловавшие к месту схватки пэры, лорд Спенсер и герцог Бедфорд, оказались способны противостоять её магии, словно бы не имеющей над ними власти.

Угодить бы Молли в плен, если б не оборотни, приславшие на подмогу юную чародейку Ярину, обладавшую способностью превращаться в самых различных существ. В образе хорька она указала девочке дорогу через подземелья.

Словно замыкая круг, Молли оказалась почти там же, где в начале книги – семья вновь схвачена и лишь она на свободе. Несмотря на требование Волки немедленно уходить на север, Молли и Ярина решили попытаться освободить её родных.

После тяжёлого и кровавого боя, с помощью присоединившихся Медведя и Волки им удалось исполнить задуманное. В здании Департамента они столкнулись со школьной знакомой Молли, Кейт Миддлтон – у Кейт обнаружили сонную болезнь и вместе с другими заболевшими поместили в особую лечебницу. Однако все другие девочки-пациентки куда-то исчезли, и Кейти оставалась последней.

Молли почти удалось вырваться из кольца, вывести семью и друзей из Норд-Йорка, однако на самой его окраине они попали в окружение. Сразу пять пэров Империи выступили против Молли, и справиться с ними она уже не смогла.

Будучи в шаге от победы, она потерпела поражение. Семья вновь оказалась в руках Особого Департамента, а на Молли открыли беспрецедентную охоту. И тогда девочка решила – хватит бежать.

Она сама отправилась в Особый Департамент и заявила, что сдаётся.

Пролог

Медвежьим ходом, волчьим скоком

– Мистер Питтвик. Мы прощаемся.

Мистер Питтвик, эсквайр, тяжело вздохнул и поднялся, плотнее запахивая роскошный шёлковый халат, облачившись в каковой и попыхивая трубкой, читал вечерний выпуск «Норд-Йорк Дэйли Газетт».

– Всё-таки уходите, мисс Таньша? Мистер Всеслав?

– Нам тут больше нечего делать. – Лицо верволки осунулось, глаза лихорадочно блестя. – Эликсира вам хватит достаточно надолго.

– Верно, хватит, – печально кивнул толстяк. – Но я всё равно буду передавать сведения. Не за гиней и не за эликсир, мисс Таньша...

– Мы знаем, что не за гиней, мистер Питтвик, – вздохнула Волка. Её брат, мрачнее тучи, молча стоял у двери, ведущей в подвал.

– Надеетесь её спасти? – с горечью проговорил хозяин. – Надеетесь, что она права и другого выхода нет?

Оборотни дружно отвернулись.

– Молли сделала то, что сделала, – сухо сказала Таньша. – Она решила, что этот путь остаётся единственно возможным.

– Это всё равно безумие, – покачал головой мистер Питтвик. – Департаментские сами не свои от радости, вчера в клубе один из них заказал ящик наилучшего галльского, по сотне фунтов за бутылку...

– Молли... будет... в порядке, – проговорил Всеслав, не глядя на толстяка. – Она... идёт... лицом к лицу...

– Но это же глупость, мистер Всеслав, – поморщился хозяин. – Я же предлагал – спрятаться, схорониться, отлежаться, переждать. Никакой Департамент не может всё время пребывать в самонаивысшей готовности. Любой часовой устаёт, внимание его рассеивается...

– Молли считала, что спасёт этим свою семью, родную кровь, – пожалла плечами Таньша. – Я не могу встать у неё на пути.

– А что вы теперь станете делать?

– Вернёмся... домой, – выдохнул Всеслав. – Нужно... совет. Старших...

– Что они вам посоветуют? – с напором сказал мистер Питтвик. – Их здесь не было. Они не знают того, что знаете вы. Делайте то, что сами считаете нужным! Или послушайте хотя б меня. Чтобы помочь мисс Молли, вы должны быть здесь!

– А если её увезут?

– Тогда, мисс Таньша, мы последуем за ними, – ухмыльнулся мистер Питтвик. – Поверьте, у меня достаточно гиней, в том числе и полученных от вас. Мы последуем за ними – дядя с племянницей и племянником. Поезда и пароходы, купе и каюты первого класса. У меня есть загородный дом на южном взморье – мы смогли бы там остановиться, если доктора Блэкуотера и его супругу отвезут куда-то в те края. А дальше... дайте мне недельку-другую в курительных местных клубов и на ипподромах, и мы будем точно знать, где они и что с ними. В конце концов, у меня есть членство и в столичных заведениях. И самое меньшее три... – нет, четыре! – члена Палаты Общин в однокашниках, товарищей по «старому школьному галстуку»².

² «Старый школьный галстук» – в английских школах учащиеся зачастую носят галстук специфической для данной школы расцветки и с её символикой. В дальнейшем такой галстук может надеваться, чтобы подчеркнуть связь со школьной средой. Подобного рода солидарность всегда была очень сильна и в реальной Англии, и в нашем Королевстве.

– А если на запад? – не отступала Таньша.

– Куда? В Гвиннед? Помилуйте, мисс, – отмахнулся толстяк. – Пустыня. Глухие места. Там можно проехать сотню миль и не встретить ни единого департаментского дармоеда. Да и магии там редки, как я слышал.

– А если всё-таки появляются? – заинтересовалась Волка.

– Местные привыкли, как мне говорили, – пожал плечами мистер Питтвик. – Да и народ там дикий. Одной нищенской лачугой больше, одной меньше – кто их считает? Совсем не то, что в Норд-Йорке, Ланкастере или в самой столице.

– Значит, туда их не повезут?

– Наверняка нет, мисс Таньша. От кого им прятаться? От вас двоих? Варвары, то есть, простите, вы, никогда не проникали так глубоко в земли Королевства. Мисс Молли у них. Юный мистер Уильям Блэкуотер у них. Так что едва ли господа пэры откажутся от излюбленного ими комфорта с уютом. Если родителей мисс Молли и отвезут на юг, то скорее всего это будут фермы к западу от столицы. Там всегда нужны рабочие руки, ну, или врачи, чтобы эти руки не приходили б в негодность слишком уж быстро. Не надо вам никуда уходить... – Он покачал головой. – Во всяком случае, пока я точно не буду знать, куда увезли доктора Блэкуотера с супругой. Если их вообще увезут.

Всеслав молча отвернулся, Таньша вздохнула.

– Спасибо вам, мистер Питтвик. Но нет, нам нельзя оставаться.

– Послушайте, – возвысил голос хозяин. – Я понимаю, мисс Молли вас убедила. Но подумайте сами, какой у неё шанс? Не знаете? А я скажу. Пэры только потому могут заставить её повиноваться, что держат стволы приставленными к затылкам её родни. Вырви семью Блэкуотеров из лап Департамента – и всё станет куда проще.

– Мы... не... смогли. – Медведь тяжело опирался о столешницу.

– Даже вместе с Молли, – кивнула Таньша.

– Потому что тут был весь цвет Департамента, пэров не исключая, – возразил мистер Питтвик. – Теперь, когда Молли увезли, родителей её охранять будут далеко не так строго. А может, даже и вообще не тронут.

– Но их ведь могли увезти туда же, куда и её саму?

– Помилуйте, мисс Таньша. Пэры, конечно, отъявленные плуты и мерзавцы, но отнюдь не дураки. Держать родителей мисс Молли рядом с ней – это просто самим её подталкивать... к «глупостям», с их точки зрения. Нет, мисс Таньша, отрада очей моих...

– Гм!

– Ну, простите, простите, мисс, простите старика. Но вы действительно так очаровательны, что я...

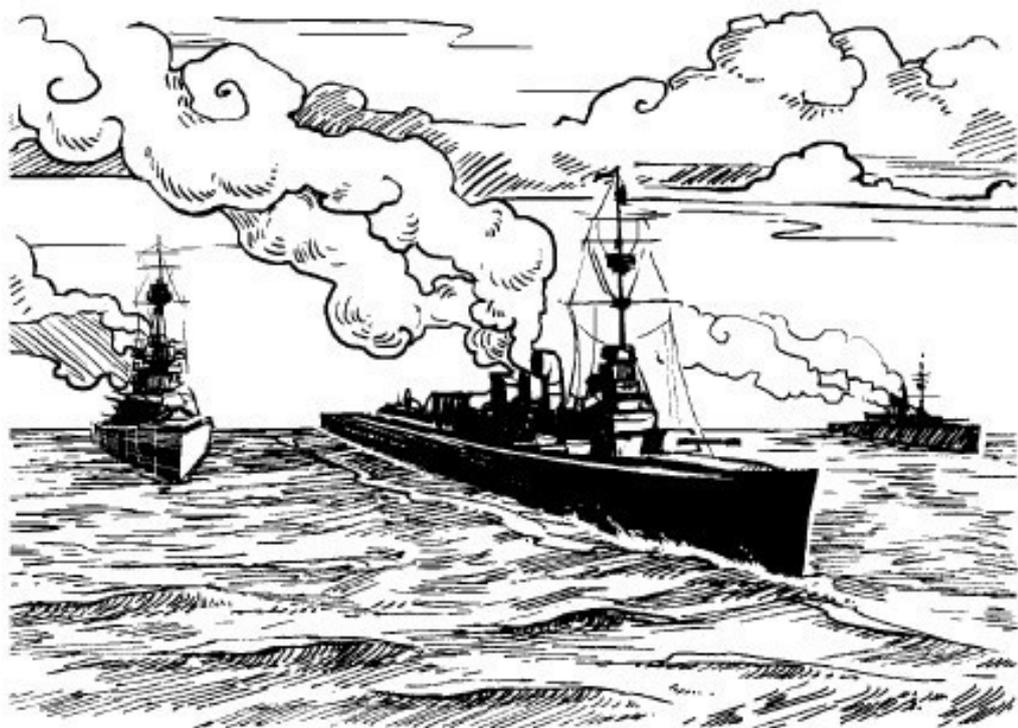
Медведь предостерегающе зарычал.

**Часть первая
Пэры Империи**

Пэры Империи

Глава 1

Норд-Гвейлиг, Северное море, казалось, не знает покоя вообще никогда. Здесь вечно плохая погода, вечно стоят низкие непроглядные тучи, грязно-серые, словно наглотавшиеся гари из топок Норд-Йорка. С востока идут волны, сильный ветер срывает белые гребни.

Посреди серо-стального пространства, под серым же небом, с волнами и ветром упрямо боролся крупный, хоть и довольно низкобортный броненосец. Броненосец береговой обороны, две двухорудийные башни главного калибра, надстройка, широкая дымовая труба, по бортам – башни поменьше, со спаренными четырёхдюймовками.

Мониторы не ходят далеко в открытое море, их дело – прибрежная война. Этот же броненосец, куда больше своих собратьев, не боялся волн, упрямо тараня их так, что брызги облаками взлетали чуть ли не до клотика.

На палубе – ни души, наглухо задраены все люки и иллюминаторы. Валит из трубы густой чёрный дым: там, под бронёй, всюю трудятся кочегары.

Справа и слева от броненосца, так же, как и он, зарывались носами в волны два дестроера. Держались они близко, в паре кабельтовых, можно сказать, по морским меркам просто прижимаясь к большому кораблю. На корме его красовалось название – «Гладстон».

Мисс Моллинэр Эвергрин Блэкуотер сидела в крошечной каюте «Гладстона», вперив невидящий взгляд в задёрнутые короткие занавески на месте иллюминатора.

Но иллюминатора там не было. Глухая стена, и всё.

Боевым кораблям никаких занавесочек (тем более таких, весёленьких, в цветочек) не полагалось ни по каким уставам и руководствам, самое большое – заслонка из негорючего материала, если иллюминатор есть, или, как здесь, выкрашенная масляной краской сталь. Однако старичок «Гладстон», которому больше не вменялось в обязанности охранять подступы к Норд-Йорку от теотонского или галлийского флотов, мог позволить себе известные вольности.

Даже в помещении, что служило тюремной камерой.

Молли закрыла глаза.

Каюта очень напоминала приснопамятный пенал госпожи старшего боцмана на бронепоезде «Геркулес». Узкая койка, опускающийся столик, встроенный шкаф. Больше ничего. И то между койкой и стеной пришлось бы протискиваться боком. Тем не менее каюта считалась привилегированной, офицерской; «вам следует радоваться, мисс, что вас не посадили в карцер», как заявил ей во всеуслышание лорд Спенсер, запирая за нею дверь.

На столике стоят жестяной кувшин с водой и жестяная же кружка.

Всё, на сём удобства кончаются. Ах, ну да, это если не считать ночной вазы под койкой.

Бугры заклёпок под светло-серой краской. Больше здесь смотреть не на что.

Её продержали в Норд-Йорке чуть ли не две недели. Может, даже и больше, Молли почти потеряла счёт времени. Под строгим надзором, но не в тюремной камере. Даже разрешили свидания с семьёй.

Бедные мама и папа, от этих непрерывных тревог они за последние дни постарели лет на десять. Но – держались, несмотря ни на что. Фанни – если верить Спенсеру – поместили в дорогую частную лечебницу, даже не в тюремный госпиталь.

А потом Молли без долгих рассусоливаний приказали «собираться в дорогу». Это, конечно, тоже было насмешкой – куда и как собираться ей, пленнице?

Её доставили в гавань Норд-Йорка, где на рейде застыл низкий серый броненосец. А на самом корабле – засунули в этот карцер, по-другому сие обиталище и не назовёшь, что бы там ни утверждал досточтимый лорд Спенсер...

И броненосец немедля вышел в море.

...В двери звякнул, приоткрываясь, досмотровый глазок. Молли не вздрогнула. Господа пэры приходили посмотреть на неё почти каждый час, словно до сих пор не могли поверить своей удаче.

Неуловимая и непобедимая Моллинэр Блэкуотер, с которой не смогли справиться аж пять пэров Империи, явно знавших, что такое магия и как с ней надлежит поступать, явилась прямо к ним и заявила, что сдаётся!..

Уголок её губ чуть дрогнул.

Переполох был знатный. Сильно, видать, она успела им насолить.

Сразу же после звяканья глазка – стук в дверь. Настойчивый, властный, резкий.

Молли не повернула головы. К чему? Она смиренная пленница, сдавшаяся на милость победителей!

Шипение пара, щелчки – отходят многочисленные засовы, скрытые в толще бронированной створки.

– Мисс Моллинэр. – Граф, он же эрл, Спенсер, «наш юный друг Джонатан», шагнул через комингс. Одет с иголочки, как в клуб, чёрный галстук-бабочка, под мышкой зажата трость.

– Ваша светлость. – Молли поспешно вскочила, сделала книксен, несмотря на широкие штаны и грубоватый вязаный свитер, никак этому не соответствующие.

– Перестаньте, мисс. – Граф прикрыл за собой дверь. – Вы позволите? – Он указал на койку рядом с Молли.

– Разумеется, ваша светлость, какие могут быть сомнения?

– Благодарю, мисс. – Лорд элегантно движением сел, слегка поддёрнув брюки.

Трость со скрытым внутри клинком положил поперёк колен.

– Предосторожность не помешает, мисс Моллинэр. – Он перехватил её взгляд.

– Понимаю, – смиренно сказала Молли. – Как вам будет благоугодно, ваша светлость!

– Ну, довольно, довольно, – слегка поморщился (но, похоже, больше для вида) достойный эрл. – Честно говоря, бунтовщица Молли нравится мне куда больше тихой и покорной. Это так на вас не похоже, мисс!..

– Я же объяснила, ваша светлость, – тихонько ответила Молли. – Мне нужно спасти маму и папу. И потом... Rooskies всё равно чужие. Они научили меня, да... но потому, что им самим это было нужно.

– С чужими долго жить не станешь, да, – кивнул лорд Спенсер. – Хоть и выгодно порой, и хорошо. Но... предателей, мисс Моллинэр, нигде не любят. Ни здесь, ни за Карн Дредом. Там, наверное, ещё и больше, чем у нас.

– Да, ваша светлость. – Молли смущённо потупилась. – Всё так. А в Норд-Йорке я должна была шпионить...

– Этой возможности – установить связь с варварами, выявить их сеть в городе, наладить канал дезинформации, – надо сказать, мне до сих пор жалко, – почти по-человечески вздохнул вдруг лорд. – Но у нас с вами вышла... размолвка, скажем так. И всё погребло.

– Не совсем, – осторожно сказала Молли. – Я, когда уходила, сказала оборотням, что попытаюсь с ними связаться...

– Разумно, мисс, весьма разумно, – кивнул лорд. – Но вот поверили ли они вам?

– После всех, кого я убила? – Молли не смотрела на графа, только на свои пальцы, на аккуратно подрезанные, чистые розовые ногти. Пэры отнюдь не собирались доносить её простыми бытовыми неудобствами. Ей не отказывали ни в горячей ванне, ни в услугах опытных горничных. Ну, правда, покидать каюту слишком часто не разрешали.

– Да, признаюсь, я был... крайне удивлён, когда нам доложили о вашем появлении, – кивнул Спенсер. – Господа пэры решили, что это очередная ваша хитрость... что вы хотите покончить с собой, взорваться или сгореть, захватив с собой побольше нас, пэров, на манер погибающих варварских чародеев... – Он покачал головой. – А я сказал им, мисс Моллинэр, что всё не так просто. Что вы никогда не оставите свою семью и что с вами всё равно можно договориться.

– Вы правы, ваша светлость. – Молли сжалась в комочек. – Я не могу без мамы и папы...

– С ними ничего не случится, – в очередной раз заверил её лорд. – Иные пэры желали, чтобы вы доказали бы так называемым «делом», чтобы вы выдали ваших друзей-оборотней... Но я сказал, что это безумие и что вы скорее умрёте и, даже если приставить револьвер к виску вашей матушки, друзей вы не предадите.

Молли несколько раз молча и быстро кивнула.

– Кое-кто из лордов настаивал на... экстремально болезненных методах, – скривившись, словно сам испытывал боль, быстро проговорил Спенсер. – Мол, под пытками ломаются все. Я ответил, что авторы столь замечательного решения, очевидно, очень боятся не получить самых лучших мест в аду и стремятся зарезервировать их для себя. Не хочу хвататься, но слова мои их, гм, убедили.

– Благодарю вас, мой лорд...

– Не стоит благодарности. Гораздо лучше, мисс Моллинэр, если вы сумеете восстановить контакт с варварами. У нас, как я уже имел честь сказать, на вас обширные планы.

– Я должна спасти брата, – молвила Молли. – Я сдалась, потому что видела – вы умеете управляться с магией, ваша светлость...

– Гм, мисс Моллинэр, ну, «умеет», это несколько не совсем точно... – вдруг замялся лорд. – Если бы это было так, не потребовался бы Особый Департамент... Но с вашим братом, да, мы можем попытаться как-то затормозить... замедлить... Он сейчас в Норд-Йорке, мы наблюдаем – нет-нет, ничего особенного, просто наблюдаем! – Он вскинул руки чуть ли не умоляюще.

– Позвольте мне его учить. – Молли не смотрела на лорда, не поднимала глаз. – Позвольте, ваша светлость! Его взнесённость герцог Бедфорд толковал мне про инуитов, про то, что люди Королевства, ну, мы то есть, плохо сопротивляемся разрушению магией и что я – счастливое исключение... но я не хочу верить!

– Сила вашего духа, мисс Моллинэр, заслуживает всяческого восхищения, – кивнул граф. – Признаться, иметь вас во врагах... малоприятное занятие. – Он прочистил горло. – Собственно говоря, мисс Моллинэр, я пришёл сказать, что вас ожидает. Все эти дни Совет пэров заседал непрерывно. И здесь, на броненосце, и в столице, в Тауэре, и ещё кое-где. Но решение наконец-то принято, мисс.

– Трепещу в ожидании ваших слов, ваша светлость...

– Вы сама не своя, мисс Моллинэр, – покачал головой Спенсер. – Я надеюсь, огонь ваш никуда не делся, а вы всего лишь очень, очень озабочены судьбой своей семьи.

– Я озабочена, да, ваша светлость. Судьбой семьи. Особенно братика...

– Да, чтобы спасти молодого мастера Уильяма, придётся повозиться, – кивнул граф. – Но у нас кое-что имеется. Собственно говоря, кое-какие наработки, задел, технологии. Вы уже имели возможность лицезреть их в действии. Не догадываетесь, о чём идёт речь?

– О ваших клинках, мой лорд...

– Вы очень наблюдательны, мисс. Да, наши клинки. Залог того, что мы продвигаемся в нужном направлении в деле контроля над дикой магией. Пока что это оружие, хоть и шедевр, на сегодняшний день – вершина наших изысканий. Однако каждый из них стоит... стоит как три дреднута. И каждый нужно изготавливать несколько лет, даже нет, строить, в точности как боевой корабль. Тем не менее я надеюсь, что у нас найдётся что-то подходящее и для вашего брата. Надо каким-то образом затормозить, замедлить процесс, как я уже говорил... – Лорд досадливо поморщился. – Имейте в виду, мисс Моллинэр, предыдущие эксперименты завершились не столь благополучно, и...

– И тогда мне позволят его учить? – перебила Молли.

Глядя на выражение лица девятого эрла, можно было предположить, что его терзает сильнейшая зубная боль.

– Под строжайшим контролем, – нехотя выдавил он.

– Благодарю вас, ваша светлость.

– Вообще-то, – вдруг сказал господин граф, и уже второй раз за сегодня – почти человеческим голосом, – я шёл вас поздравить, мисс Моллинэр.

– Поздравить? – искренне удивилась Молли. И тотчас спохватилась, сообразив: ах, ну да, поздравить...

– Вы забыли? – усмехнулся лорд. – Впрочем, неудивительно, с вашими-то приключениями. У вас ведь сегодня день рождения, мисс Моллинэр. Поздравляю. Вам исполняется тринадцать.

– Да, ваша светлость, спасибо... Тринадцать, ага.

– Прекрасный возраст. С подарками, вы уж извините, не успели. Отмечать и праздновать станем чуть позже, когда закончим все формальности. – Граф побарабанил пальцами по столу. – Мисс Моллинэр. Вам предстоит увидеть и пережить... многое, что наверняка покажется вам странным, чуть ли не пугающим...

– Я уже пережила, ваша светлость. Там, за перевалом.

– Здесь будет не легче, – посулил граф. – У вас есть черта, мисс Моллинэр, что, как я говорил, делает вас подобной нам, родовой аристократии Королевства. Никто не знает, откуда она в вас взялась, самые тщательные генеалогические изыскания пока что ничего не дали. Но вдобавок к этому вы ещё способны управлять магией!.. Да, конёк его взнесённости герцога Бедфорда, «инуитская теория волшебства», к вам не применим. И потому мои коллеги по палате пэров очень хотели бы подвергнуть вас различным испытаниям.

– Испытаниям? – сочла нужным испугаться Молли.

– В вас, мисс, разом есть и магия, и то, с чем вы становитесь похожей на пэров Королевства, – осторожно, словно подбирая каждое слово, ответил лорд Спенсер. – Это показали мои предварительные исследования. Палата пэров желает окончательно убедиться, прежде чем... сделать вам те предложения, которые они собирались.

– А эти испытания... больно очень? – Молли старательно захлопала ресницами.

– Не думаю, – отвёл глаза граф. – Во-первых, будут приборные исследования, подобные тем, что вам уже знакомы. Это просто и совсем не больно, как вы знаете. Остальное же вы увидите сами. Но, конечно, никто не станет резать вас ланцетами и подвергать вивисекции, мисс!

– Ваша светлость, а могу ли я спросить вас кое о чём? – с самым невинным видом поинтересовалась Молли.

– Разумеется, мисс. Постараюсь ответить, если, конечно, это не будет относиться к категории тайн Её Величества Королевы.

– А что, разве нет пэров, у которых бы, как и у меня... была б магия?

Граф Спенсер утвердил трость между колен, упёр в пол, сплёл пальцы на оголовье. Всё это он проделал не спеша, со вкусом, словно любясь каждым своим движением.

– Нет, мисс Моллинэр, – ответил он негромко, веско, основательно. – Ни одного пэра, что владел бы магией, нет. И никогда не было. В этом суть пэров Королевства. В нас нет магии. Есть... иное, о чём я не хотел бы говорить второпях, до срока. И вот это иное, насколько я понимаю, есть и в вас, мисс. Но есть также и магия. И она вас не убила. Это делает вас... особо ценной для нашего дела. Поэтому мы согласились на все ваши условия. В том числе и на то, чтобы отпустить всех без исключения малолетних преступников из шайки Уильяма Мюррея, равно как и мальчишек из работного дома.

– Не на все, – напомнила Молли. – Мои родители не свободны. И Билли тоже.

– Да, это было единственное, в чём мы не сошлись, – вздохнул лорд. – Однако они в полной безопасности. Им ничто не угрожает. Даже Билли. Он, конечно, под наблюдением – мой опыт слежения за... эволюцией магигов, скажем так, – подсказывает, что у нас ещё есть некоторый запас времени. Как мне представляется, шесть-восемь недель самое меньшее, если судить по тому, что смогла считать камера... в сопоставлении с другими, гм, детьми того же возраста. Поэтому, мисс Моллинэр, ему нужно сейчас прежде всего спокойствие. Домашняя обстановка, родители. Мы могли бы взять его с собой сюда, но едва ли это было бы разумно. Скажите, мисс, смогли бы вы остановить его... гм, воспламенение?

Молли опустила голову. Да, тут Спенсер был прав. Она никогда этого не делала, госпожа Старшая даже вскользь не упоминала ничего такого. И сама старая колдунья, когда к ним явился тот несчастный, мучимый не находящей выхода силой, обратила его в чудище, стража границ и пределов народа Rooskies...

Госпожа Старшая не смогла оставить его человеком. А она, Молли, сможет?..

Лорд Спенсер кашлянул.

– Как вы понимаете, мисс Моллинэр, – говорю с вами совершенно открыто, безо всяких скидок на возраст, ваши родные – то единственное, что позволяет как-то с вами договариваться. Вот потому-то за них и шла такая, извините за выражение, борьба, словно у ахейцев с троянцами за тело Патрокла. Ценность ваших родителей для нас необычайно высока, так что не беспокойтесь, с их голов не упадёт ни один волос. Нам нет никакого смысла их убивать или мучить. Мистер и миссис Блэкуотер – самые обычные люди. Подданные Её Величества. По закону их ожидала бы релокация, но... в виде исключения...

Молли подумала, каково её родителям сейчас в наполовину опустевшем доме, где нет ни её, ни Фанни, ни даже кошки Ди. Только братик.

О да, двери починены, вставлены новые рамы, тщательно заштукатурены все следы от пуль и усыпляющих шприцев, заменена повреждённая мебель – но в нём пусто.

И Фанни. Фанни, собой закрывшая её, Молли.

Лорд негромко кашлянул.

– Догадываюсь, о чём вы сейчас думаете, мисс. Да, ваши родители – под неусыпным наблюдением, это верно. Но мы... но я, – поправился он, – я достаточно высокого мнения о ваших способностях. Я не сомневаюсь, мисс, случись с вашими мамой, папой или братом хоть что-то, вы это мгновенно почувствуете. И тогда, – губы его скривились, это должно было стать знакомой полупрезрительной усмешкой, но в конечном итоге получилось что-то почти растерянное, – и тогда я не завидую тем, на кого обрушится ваш гнев. Вы сожжёте и себя, и всех, кто окажется в радиусе... думаю, миль пяти-семи. И потому я – от себя лично – хочу вас поблагодарить за, – он вновь кашлянул, словно не в состоянии сразу подобрать слова, – за проявленную мудрость.

– Вы спасли Фанни. – Молли опустила голову. – Я благодарна вам за это, мой лорд, ужасно просто благодарна!

– Пустяки, – отмахнулся граф. – Ну, точнее, не пустяки, но всё равно. Она поправится, хотя и далеко не сразу. Не завтра, даже не послезавтра, но встанет на ноги. Видите, мисс, мы – и я в том числе – очень хотим с вами помириться. Наложённые на вас ограничения не выходят за рамки обычных предосторожностей. Конечно, если бы вы проявили бóльшую склонность к сотрудничеству... наверное, вы бы уже направлялись в Тонбридж. Хотя, я надеюсь, вы там ещё окажетесь – по завершении всех необходимых формальностей.

– Я поняла, – смиренно ответила Молли. – Но всё равно не возьму в толк, зачем я так уж вам нужна. Если варвары смогли обучить меня, значит, это смогли бы сделать и в Империи. И мне всё равно кажется, что его взнесённость герцог Бедфорд преувеличивает со своей «инуитской» аналогией. В Королевстве наверняка ещё были такие, как я, «устойчивые»...

– Быть может, – развёл руками Спенсер. Молли упрямо казалось, что разговор для него неудобен, если не неприятен, и тем не менее лорд не выказывал ни малейшего желанья его прервать. – Вполне допускаю. В нашем мире достаточно того, чего мы пока не понимаем до конца. То явление... аппарация... сущность... в подземельях Норд-Йорка, от одного факта существования которой у профессоров Королевского колледжа в столице ум зашёл бы за разум!..

– Вы что-то о ней знаете, мой лорд? – выпалила Молли, не в силах побороть любопытство.

– Немного, – признался девятый эрл. – В нашей среде не любят это вспоминать. Обстоятельства дела из архивов изъяты. Даже мне пришлось довольствоваться по большей части слухами.

– А ещё эти полуживые механизмы внизу... – почти шепнула Молли. Перед глазами вновь встала картина шкивов, шестерён, рычагов и передач, абсолютно самостоятельно пришедших в движение. – Про них тоже ничего не известно, ваша светлость?

– Вы задаёте очень правильные вопросы, мисс Моллинэр. Пэры предпочитают от подобного просто отмахиваться. Дескать, случайности, флуктуации, отклонения, порождаемые хаотической и не алгоритмизируемой в принципе природой магии. Ни наблюдавшаяся вами аппаратура, ни эти старые механизмы никогда не представляли большой угрозы. Знаете, в иных приключенческих книжках любят писать о «бунте машин», о том, как вычислители наши якобы смогут развиваться до такой степени, что будут сами управлять различными механизмами, – чистая фантастика, конечно, хотя на тех же кораблях никак не обойтись без автоматов стрельбы, вычисляющих поправки на ветер, волнение и так далее, – но никто из пэров не считает это «живое железо», как вы выразились, угрозой. О нём известно много лет, феномен остаётся феноменом, но... разве не феномен сама магия?

Он перевёл дух.

– Однако, мисс Моллинэр, как бы ни была интересна мне и, не сомневаюсь, вам эта тема, её придётся оставить. Сейчас нас гораздо больше интересует, какие последствия возымеет ваш дар, мисс Моллинэр. Королевство давно оставило мысль создавать полки и дивизии из боевых магов, но... с учётом вашего случая Военный Департамент вполне может к этому и вернуться.

У Молли похолодело внутри.

– Полки и дивизии из одной меня? – Она постаралась, чтобы голос не дрожал.

Граф снисходительно усмехнулся.

– Мисс Моллинэр, после того как я имел счастье наблюдать ваш более чем впечатляющий перформанс сперва в работном доме, а затем и в стенах Особого Департамента, скажу, что вам одной вполне можно было бы присвоить наименование Первого Особого Магического Корпуса с вручением штандарта и прочих регалий. Но – шутки в сторону – почему бы и нет? Ведь если *всё подтвердится*, – он загадочно понизил голос, – почему бы вам и в самом деле не начать учить? Может, мы сумеем не только спасти вашего брата, но и воспитать из него верного слугу Короны, офицера, боевого мага? Конечно, сперва требуется задержать его неизбежное в иных обстоятельствах, э-э-э, простите, мисс, сторание...

– Я понимаю, – слова приходилось почти выпихивать из горла. – Но я одна... я слишком мало ещё умею...

– Именно, – кивнул лорд. – Вот почему так важно было бы продолжать ту игру со связником варваров. Кто знает, может, вам удалось бы вернуться к ним, продвинуться дальше в освоении магии и затем, уже здесь, в Норд-Йорке, и в самом деле взяться за обучение чародеев Империи?..

Увлёкшись, граф говорил быстро и горячо; но потом вдруг приугас, словно что-то вспомнив.

– Впрочем, далеко не все пэры разделяют мои взгляды, мисс Моллинэр. Считают их чересчур радикальными, грозящими разрывом с традицией. А вы ведь знаете, что такое традиции для Королевства!.. И особенно для благородного сословия. Итак, нам с вами предстоит большая работа, моя дорогая. Работа и на благо вашей собственной семьи – брата в особенности, – и всей Империи.

Работа на благо Империи. На благо тех, кто изо всех сил пытается убить моих друзей.

– Я постараюсь, – тем не менее сказала Молли вслух. – Я очень постараюсь. Королевство – моя родина. Я хочу ей всяческого блага.

– Как и мы, мисс Моллинэр, – подхватил достойный эрл. – Как и мы. И скоро – очень скоро, дорогая моя, вы получите все алкаемые вами ответы. Возможно, не все они вам понравятся. Что поделать, мисс, наш мир – жестокое место. Может, когда-нибудь он станет лучше. Может, вам тоже предстоит внести в это свою лепту. Но только если мы с вами, мисс, будем сотрудничать, а не вцепляться друг другу в глотку.

– Я понимаю, ваша светлость.

– Прекрасно, что понимаете. И... я хотел бы вас предупредить, мисс Моллинэр, вот о чём. Только что я упоминал, что иные пэры со мной не согласны. Нет единого мнения и в Палате пэров. Идёт борьба, мисс, и, к сожалению, борьба не только идей. Но и самолюбий, предвзятостей, семейных традиций, гордости... Понимаете меня, мисс?

Молли кивнула.

– Есть достаточно много таких, – Спенсер понизил голос, – кому ваше появление поистине словно кость в горле. Кто гордится «чистотой крови», кто ставит свои два десятка поколений непрерывности титула выше блага Империи или кто способен думать о процветании одного лишь своего графства или в лучшем случае – Королевства. Они могут строить нам козни.

– Козни, мой лорд? Но почему? – Притворяйся растерянной и испуганной, притворяйся как следует!

– Им кажется, – прежним полушёпотом проговорил девятый эрл, – что дела в Королевстве и в Империи идут лучше не придумаешь. Наши колониальные владения расширяются. Мы производим товаров больше, чем кто бы то ни было ещё, и эти товары выше качеством, чем, к примеру, галльские или теотонские. Наш флот сильнее взятых вместе морских сил уже упомянутых Галлии, Теотонии, Иберии и Латиники. Наши гинеи принимают во всём мире. Цены не меняются, благородный человек может жить на оставленный ему прадедом годовой доход. Поэтому, говорят эти пэры, менять ничего не нужно. Любое изменение есть риск, утверждают они. Особенно такой риск, как вы, мисс Моллинэр.

Молли невольно сжалась в комочек. Она слишком хорошо помнила вставших плечом к плечу против её магии пэров.

– Кого-то мы сможем убедить, – продолжал Спенсер. – Кого-то, увы, придётся... гм...

– У-убить? – робко предположила Молли. Эрл криво ухмыльнулся.

– «Взгляд, конечно, варварский, но верный», как написал один древний поэт. Нет, мисс, разумеется, никого мы убивать не будем. Ввести в заблуждение – возможно. Потому что неудача Горного Корпуса за Карн Дредом – суровый урок, не всеми – далеко не всеми! – понятый. Варварам удалось обучить вас. Не требуется быть пророком, чтобы понять – за вами могут последовать и другие. Другие, кого они сумеют похитить, сбить с толку, соблазнить, обмануть, увести с собой. Далеко не все они могут оказаться столь же стойкими и преданными делу Короны, как вы, мисс.

– Спасибо, мой лорд... – Молли опустила голову. – То есть вы опасаетесь...

– Появления новых чародеев за Карн Дредом, да, – кивнул Спенсер. – Варвары сумели додуматься до вашего похищения. Смогли успешно его осуществить. Где гарантия, что они вновь не сделают нечто подобное? У них уже есть разведывательная сеть в Норд-Йорке. Тут, как говорится, и к гадалке не ходи: им помогают, кто-то из местных жителей, подданных Её Величества. Настоящие предатели, враги Короны и всех нас. Возможно, из недовольных, из тех, кто считает наши меры против дикой магии слишком суровыми, возможно, из тех, чьи друзья или родственники подверглись релокации. Всё возможно. – Глаза его сузились. – И это крайне затрудняет нашу задачу. А остальные пэры благодушествуют. Даже поражение Горного Корпуса там воспринимают как – не удивляйтесь, мисс Моллинэр! – как отличный повод увеличить военные ассигнования, ускорить разработку новых боевых машин, перебросить за Карн Дред туземные войска, набранные в том же Раджпутане... То есть ответить

так, как они привыкли. А ваш «казус», как они выражаются, – необходимость сворачивать с проторённых дорог. И потому, мисс Моллинэр, *нам* с вами надо быть очень, очень осторожными. Пэры с лёгкостью откажутся от всех перспектив, с вами связанных, если пострадают их покой и ощущение извечной правоты. Поэтому, мисс, прошу вас – когда мы прибудем, не упрямитесь и делайте то, что я вам скажу. Поверьте, это продиктовано только и исключительно заботой об успехе нашего общего дела.

Ничего себе. У нас уже появилось *общее дело*?

– Я всё понимаю, ваша светлость, – тем не менее ответила она.

– Прекрасно, мисс. Это всё, что я хотел бы вам сказать. А пока что, – он светски улыбнулся, – позвольте откланяться, мисс.

– Простите, ваша светлость, но не могли бы вы приказать, дабы меня сопроводили... – Молли потупилась. – Понимаете... Меня редко выпускают отсюда, а хочется просто пройти, и... я клянусь, всё будет тихо и мирно!

– Хорошо, мисс, – поднялся граф. – Сейчас позову охрану.

...Молли вела длинными, узкими и низкими переходами броненосца. Связки труб устремлялись куда-то вдоль стен; горели тусклые лампы в железных сетках. Впереди и сзади топали офицеры Департамента; на Молли они смотрели со смесью страха, ненависти и непонятого почтения.

Может, оттого, что чёртову девку не расстреляли сразу у стенки, не повесили по приговору справедливого королевского суда, а вот, гляди ж ты, хоть и посадили под замок, а нянчатся да цацкаются?..

Молли шла по узкому коридору; под подошвами чуть вздрагивал металл. Броненосец старательно рубил воду винтами, резал форштевнем, раздвигал скулами бортов. Он был большой, мощный, с толстой бронёй, с могучими паровыми машинами («Тройного расширения, 8600 лошадиных сил, – непременно добавила бы прежняя Молли и продолжила бы: – Полное водоизмещение 5780 тонн, длина 325 футов, осадка 21 фут, максимальная скорость 17 узлов, вооружение – четыре орудия BL Mk III, 9^{1/5} дюйма, длина ствола 31^{1/2} калибра, а также восемь четырёхдюймовых орудий, установленных попарно в четырёх башнях, по две на борт...»).

Старому броненосцу тоже ведь страшно, вдруг подумала Молли. А что, если и он... немного живой, как то железо под Норд-Йорком?! «Гладстон», конечно, не может ни говорить, ни думать, но вдруг – может чувствовать?

– Простите, сэр... не могла бы я воспользоваться... раз уж мы тут...

Процессия остановилась возле узкой двери корабельного гальюна, один из офицеров отрывисто кивнул и распахнул перед Молли дверь.

В этот миг броненосец ощутимо вздрогнул.

И Молли тоже вздрогнула – потому что словно наяву увидела, как в глубине, под корпусом, в бессветной чёрной воде, рассекаемой стальным форштевнем, по металлу днища вдруг скользнуло длинное, толстое, усаженное присосками щупальце. Скользнуло почти что нежно, точно погладив, и враз отдёргнулось, свернулось, скрывшись в неведомой бездне, словно передав, просигналив: «Ты не одна, мы тут, мы тут, мы всегда рядом...»

Молли улыбнулась и закрыла за собой узкую дверь.

– Пи-пи-пи... – раздалось из угла.

Там сидела крошечная серая мышка, сосредоточенно умывавшаяся, словно она никакая не мышь, а самая настоящая кошка. Заметила Молли, однако не бросилась наутёк, а чуть склонила голову набок и совершенно по-человечески подмигнула.

Молли подмигнула в ответ.

Миг – и на месте мышки появилась Ярина, «маг-превращальщик», единственная чародейка, умевшая не «перекидываться», как оборотни Всеслав и Таньша, а именно превращаться в самых разных существ, правда, по большей части некрупных.

На вид – тощая девчонка лет восьми, но язвила и рассуждала она так, что Молли частенько сомневалась, правда ли ей восемь. А спрашивать было неловко.

Молли молча и торопливо протянула укрытый от надзирателей хлеб. Ярина так же молча кивнула, впилась в краюху белоснежными зубами. Мышью, похоже, как следует наестся ей не удавалось – по броненосцу шастал пронырливый корабельный кот Фитиль, чёрный как ночь.

Ярина, жуя с лихорадочной быстротой, вопросительно вскинула подбородок. Молли вздохнула, покачала головой. Девчонка досадливо поджала губы и тоже вздохнула еле слышно. Указала кивком вниз, рукой проделала змееобразное движение, снова кивнула, словно хотела сказать: да, он здесь, он с нами, нас не бросили. Положила ладонь Молли на плечо, чуть сжала, словно взрослая.

И вновь сделалась крошечной серой мышкой, юркнувшей куда-то в щель, куда обычный человек не смог бы просунуть и пальца.

...Когда Молли шагнула в коридор, у двери её встретил, кроме офицеров охраны, и помянутый уже корабельный кот Фитиль. В отличие от кошки Ди был он тощим, недоверчивым и Молли откровенно не любил, несмотря на все её попытки подружиться.

И сейчас кот напряжённо к чему-то принюхивался. Строго зыркнул на Молли и скользнул в приоткрытую дверь.

– Чего это он? – самым невинным голосом поинтересовалась Молли у департаментского.

– В мои обязанности, мисс, не входит слежка за корабельными котами или же толкование их поведения, – ледяным тоном отрезал тот, даже не пытаясь прикинуться любезным. – Потрудитесь проследовать в свою каюту, мисс.

– Конечно, сэр, – смиренно откликнулась Молли. – Я готова.

Департаментский только дёрнул длинным усом. В глазах его была ненависть и ничего, кроме ненависти.

Молли сделала вид, что ничего не заметила. Скромно потупилась, заложила руки за спину, как положено.

– Вперёд, мисс.

Вперёд так вперёд.

Вот и её каюта, знакомая морская полутюшина. Молли села, крепко зажмурилась, вслушиваясь в себя.

Сила медленно возвращалась. Медленно накапливалась – так, как в пещерной глубине со свода срываются капли, падая в каменный бассейн. Они его, конечно, когда-нибудь наполнят, но когда?..

Медленно, словно картинки волшебного фонаря, сменяют друг друга воспоминания.

Лица департаментских. Их много, и все они таращатся на Молли, целясь в неё из всего, что только может стрелять. Она одна как на ладони, достаточно только шприца с сонным зельем, и...

Но мисс Моллинэр Блэкуотер улыбается глазами, обратившимися, словно у нечисти, в два заполненных тьмою провала, и протягивает левую руку.

На руке горит огонь. Языки его лижут пальцы, поднимаются всё выше и выше; Молли проводит над пламенем правой ладонью, и та тоже вспыхивает, ярко и буйно, словно сухой хворост. Молли стоит, вскинув обе руки, в жесте сдающейся; и ладони её, раскрытые, обращённые к департаментским, пылают, словно факелы.

Молли ждёт.

Лордам, пэрам и герцогам передали её слова. Они здесь, за спинами уцелевших – или только что прибывших в Норд-Йорк с подкреплениями – офицеров Департамента. Они смотрят.

Молли медленно разводит широко в стороны пылающие руки. Огонь поднимается от ладоней к запястьям, дымятся манжеты.

Тишина на площади.

Одна-единственная пуля – и всё кончено. Опасная магичка будет убита наповал, на месте, – однако никто не стреляет.

Они боятся, понимает Молли. Они страшатся, что, если меня убьют или усыпят, магия вырвется на свободу, и на месте Особого Департамента останется лишь груда развалин.

Кажется, что молчание это будет длиться вечно. Множество стволов смотрит сейчас на Молли, и ни один из стрелков не решается нажать на спуск.

А вот Rooskies бы не испугались, вдруг осознаёт Молли.

Они бы выстрелили, они б не поколебались. Как же я мало про них ещё знаю... Как они живут, во что верят, как управляются – ничего не знаю!

Но они бы не мешкали.

Огонь двигался к локтям.

– Ну, прощайте, – громко сказала Молли. Она сама не знала почему. Огонь полз и полз, скользя по предплечьям, спускаясь к плечам.

– Стойте! – тотчас донёсся торопливый возглас. Кажется, кто-то из пэров, похоже, Сомерсет. – С дороги, болваны! С дороги! Мисс Блэкуотер, остановите это немедленно, слышите?! Остановите и давайте поговорим!..

– О чём тут говорить? Я согласна сдать в обмен на свободу моей семьи!..

... Так всё начиналось.

Они сидели друг напротив друга: пять герцогов и примкнувший к ним граф.

– Если это называется «я сдаюсь», то это какая-то весьма странная капитуляция. – Герцог Бедфорд баюкал раненую руку. – Больше походит на требование, чтобы сдались бы мы с вами, джентльмены.

Ответом ему было мрачное молчание.

– Моего брата нужно спасти, – непреклонно отрезала Молли. – Сделать это могут только за Карн Дредом.

– Чтобы он превратился во вторую Моллинэр Блэкуотер? – поморщился Спенсер. – Абсолютное оружие варваров? За кого вы нас принимаете, мисс? Нет-нет, это исключено. Ваши родители – пожалуйста. Пусть живут где хотят, пусть остаются в Норд-Йорке, если пожелают. Под присмотром, разумеется...

... Она уступала. Медленно, шаг за шагом, но уступала. У лордов же, напротив, настроение улучшалось, понемногу, но тем не менее.

И всё кончилось тем, чем кончилось. Она, Моллинэр Блэкуотер, – на борту броненосца береговой обороны, направляющегося куда-то в открытое море; родители и братик остались в Норд-Йорке; Фанни тяжело ранена, но её выхаживают лучшие врачи.

Лорды выиграли. Вернее, они так считают.

Молли позволила себе лёгкую, наилегчайшую улыбку.

Пусть думают что хотят. Пусть верят, что победили, что переиграли её. Что «вынудили к сотрудничеству». Или даже «взяли в плен». Она там, где должна быть, где она хочет быть. Она, а не они.

Она закрыла глаза. Пройти по тонкому мосту над пропастью к Зверю Земли. Только ошибки её ждут теперь не алые очи подземного пламени, а пэры Королевства. Огонь милосерден – он убивает быстро.

С пэрами на такое рассчитывать не приходилось.

Но она сможет. Обязана смочь. За себя и за других, по обе стороны Карн Дреда.

Броненосец уходил всё дальше и дальше от берега, но – знала Молли – следом за кораблём в глубинах чёрной воды скользит стремительное тело.

Братик в Норд-Йорке. Один на один с пробудившейся силой, и всё, что сумеют в случае чего Таньша с Медведем, – это дотащить его до госпожи Старшей.

А она ведь вполне может и повторить тот жуткий опыт, свидетелем которого стала тогда Молли...

Девочка вздрогнула. Нет, нет, я не буду думать про это. Вот не буду, и всё тут!

Оборотни должны были спрятаться, глубоко-глубоко. И не высовывать свои волчьи и медвежьи носы. Лучше всего идти одной. Так хотя бы не надо бояться за друзей. Ярина же... Ярина всегда успеет обернуться мышкой или ящеркой.

Молли решительно натянула одеяло на голову. Как бы то ни было, ей сегодня тринадцать. Пусть мне хотя бы приснятся торт и свечи...

Она спала. Возле узкой двери в её каюту-пенал бродил корабельный кот Фитиль. Хвост его раздражённо мотался туда-сюда.

Неподалёку, в сплетении железных рёбер броненосца, отделённая от Молли стальной стеной, притаилась крошечная серая мышка. Сидела, сжавшись в комочек, зыряка чёрными бусинками глаз, прислушиваясь к мягким, неслышимым шагам кота за крепко запертой дверью.

Молли видела сны. Оборотни на мрачных улицах Норд-Йорка, мрачных, несмотря на наступившую весну...

И никаких тортов со свечками.

Глава 2

Она пробудилась среди ночи внезапно, толчком. Ей снились оборотни в Норд-Йорке, с ними что-то происходило, они с кем-то говорили, но... никаких деталей память не удержала, кроме одной-единственной, самой главной, – они на свободе и с ними пока всё хорошо.

За дверью кто-то скрёбся. Очень властно и настойчиво.

– Мр-р-ряу!

– Только тебя мне тут не хватало, – пробормотала спросонья Молли.

– Пи-пи-пи-и-и...

Возле её изголовья устроилась крохотная серая мышка. Требовательно взглянула на Молли, совершенно по-человечески покачала головой.

– Не пущу я тебя, Фитиль, – громко сказала Молли, в свою очередь кивнув мышке. – Во-первых, я сама тут заперта, а во#вторых, охрану просить тоже не буду! Ты грязный, от тебя плохо пахнет, и ты царапашься. Проваливай давай!

Корабельный кот Фитиль в ответ возмущённо взмякнул и пуще прежнего принялся скрестись в дверь.

– Давай-давай, – злорадно сказала ему Молли. – Коготки не сломай только.

Мышь тоненько хихикнула.

Фитиль ещё поскрёбся какое-то время, потом затих.

Молли выжидательно взглянула на мышь Ярину. Такая мелкая, крошечная даже, хотя сомнений не было: в случае надобности Фитилю досталось бы на орехи, вздумай тот за ней гоняться.

Мышь спрыгнула с койки, отбежала к двери, перекинулась. Обычно Ярина старалась держаться подальше, соблюдала осторожность. Но, видать, что-то уж очень срочное нужно было передать.

Молли видела её превращение не впервые, но всё равно изумлялась. Там, где только что было крошечное серое существо с премилым хвостиком, появлялась растрёпанная девчонка – из ниоткуда. Не сверкала молния, не гремел гром, не клубился даже пар, как при обращении Медведя и Волки. И сама мышка не росла, трансформируясь при этом в человека, – нет, она просто исчезала, и на её месте возникала Ярина.

Настоящий маг-превращальщик, ничего не скажешь.

Ярина гибко склонилась к самому уху Молли, зашептала:

– Охрану сняли уже, потому я и... в общем, через час прибудем. Тот самый остров, про который Питтвик говорил. Я выскользну первой, всё узнаю. Тебя найду. Ничего только не делай, поняла?!

Молли очень хотелось осадить нахальную девчонку – чего это она тут раскомандовалась? – и сдержалась она с известным трудом.

– Веди себя хорошо, глаз не поднимай, ни с кем не спорь, со всем соглашайся! – продолжала шипеть прямо в ухо, давая абсолютно ненужные наставления, ехидина Ярина. Молли мрачно воззрилась на неё, выразительно показывая кулак.

Ярина закатила глаза, но умолкла.

– Я буду рядом. Всё обегаю, всё разужнаю. На этом острове ещё никто из наших не бывал.

– Кота берегись, – шепнула Молли. – Не нравится он мне. Вот не знаю чем, но не нравится.

– Мне тоже, – без тени улыбки прошелестела Ярина. – Не так с ним что-то. Не должен он меня так лихо чуют. А он чует. Через три переборки, через три палубы. Ходит по пятам, у каждой щели стережёт. Но ничего, я ему ещё хвост-то прищемлю. Всё, подруга, я ухожу. Первой по трапу прошмыгну.

* * *

Ярина оказалась права. Меньше чем через час в двери Моллиной каюты-пенала грубо и громко заколотили, лязгнули запоры.

– Вставайте, мисс. Мы швартуемся. – Голос департаментского был полон злобы и ненависти. – Его светлость лорд Спенсер лично сопроводит вас в отведённое вам помещение.

– Да, сэр, – смиренно отозвалась Молли.

Рассвет едва-едва занимался, тьма отступала медленно, неохотно выпуская из когтей шарового цвета башни, трубы и надстройки броненосца. Совсем рядом вздымалась тёмная громада горы, едва можно было различить плоскую, словно ножом срезанную вершину. «Гладстон» отделяла от берега внушительная полоса воды, с его борта спускали катер.

– Нам туда, – девятый эрл, он же граф, он же «наш юный друг» лорд Спенсер, возник рядом с Молли из предрассветного мрака. Всё такой же лощёный, в лаковых штиблетках и щегольском смокинге. Белый шарф, цилиндр, перчатки, трость – он словно собрался в

оперу. – Надеюсь, мисс, вы хорошо почивали. Переход выдался спокойным, теперь, не мешкая, за дело.

– Да, милорд. – Молли была сама кротость и послушание.

Лорд Спенсер метнул на неё короткий взгляд.

– Оставьте этот тон, мисс. Честное слово, вам он не идёт, а меня заставляет подозревать вас в самых коварных намерениях. Ну, спускайтесь, спускайтесь! Время не ждёт. Если вы хотите и в самом деле помочь своему брату. А, и последнее: в целях элементарной предосторожности я надену на вас эти наручники. Не волнуйтесь! Мы их снимем, когда доберёмся до Найт-холла³.

Пыхтящий паровой катер доставил их на берег – Молли, лорда Спенсера и ещё троих департаментских, включая памятного Сингха.

На пристани их ждала старомодная карета. На двери – герб, какого Молли ещё никогда не видела:

Три рогатые олени головы, серебристые на чёрном фоне. Сперва они показались ей не то летучими мышами, не то странными хищными птицами.

– Герцоги Девонширские. – Спенсер перехватил её взгляд. – Они традиционно являются хранителями этого места. Садитесь, не мешкайте! Дайте я помогу. – Он подал Молли руку, помогая взобраться внутрь, сам сел рядом.

Кучер без команды тронул лошадей.

От гавани неширокая дорога вела в обход горы, на другую сторону острова. Молли молчала и глядела в окно, хотя особенно смотреть тут было не на что. По склонам карабкался редкий и низкий лес, с другой стороны пенилось море, выставив из белых гребней приборя тёмно-коричневые каменные клыки, мокрые и блестящие.

Ничего необычного.

– Вот он, Найт-холл. – В голосе лорда Спенсера сквозила несвойственная восторженность. Молли прилипла к стеклу.

³ Найт-холл, конечно же, не имеет ничего общего с «ночью». В оригинале – «Knight-Hall», «Рыцарский Холл», большое строение, уже не особняк, но ещё и не замок.

Небольшая бухта, вытянувшиеся в море серые туши волноломов. Подступившие здесь совсем близко заросли, громадные можжевельники – таких она никогда и нигде не видывала и даже не знала, что они вообще бывают.

На востоке восходило солнце, тучи разошлись, лучи коснулись склонов исполинской горы, разогнали предутренние туманы, и Молли едва не раскрыла рот от удивления.

Гора была не серой, не коричневой, не чёрной – а красной. Цвета красной охры, щедро рассыпанной по склонам.

Гора цвета крови, остров цвета крови.

– Да, необычно, мисс, – заметил её удивление лорд Спенсер. – Весьма редкое геологическое образование. Гематит, киноварь, очень высокое содержание окиси железа и сульфида ртути. Уникальное место, такого нигде больше нет. Монахи, когда только устраивали здесь первый приорат, сочли это божественным указанием. Их старые здания чуть дальше, Найт-холл более новой постройки.

Молли заставила себя оторвать взор от кроваво-красной громады. Чуть дальше, возле бухты, сгрудились какие-то строения. Низкие, приземистые, с терракотовыми черепичными крышами; видна небольшая церквушка, вросшая в землю и словно бы заброшенная.

А перед старым приоратом – сам Найт-холл, готический, с крышами острыми, словно ножи, с устремляющимся вверх шпилем, квадратной башней и воздушной галереей к ней. Главное здание в три этажа с мансардой, фасад кремового кирпича украшают бесчисленные горгульи и ещё какие-то фантастические существа. Кирпичная стена окружает просторный двор, в ней – кованые решётчатые ворота. Их венчает странное изображение – Молли сперва решила, что чей-то герб: расправившая крылья летучая мышь размером с орла, вцепившаяся когтями в нечто, похожее на клубок змей.

Что это?..

Карета замедлилась.

Летучая мышь и...

И кракен.

Молли похолодела.

Да, этот клубок щупалец был именно кракеном. Не кальмаром, не осьминогом, не каракатицей, но именно кракеном. Молли не знала, откуда пришла и как родилась эта уверенность.

Кракен. Они знают о нём.

– Ваша светлость, могу ли я спросить...

– Спрашивайте, мисс Моллинэр, а то, признаться, меня уже несколько пугает ваше затянувшееся молчание.

– Эта фигура... изображение... над воротами?.. Чей-то герб?

Она знала, что это не герб, но спросила всё равно. Пусть думают, что она ни о чём не догадывается.

– Нет, мисс, это не герб, – тонко улыбнулся лорд. – Чудовище с щупальцами, что внизу, – это, изволите ли видеть, *Microcosmus marinus, singulare monstrum*. Моряки Винланда зовут его Хафгуфа, Морской Туман, ибо атакует он, извергая из дыхала потоки серой мглы, так что на палубе не увидишь и вытянутой руки. Читали ли вы что-нибудь об этом, мисс?

Молли помотала головой. Обманывать ей не пришлось.

– Мне всегда было интереснее про машины, ваша светлость.

– Признаюсь, мне тоже, – кивнул Спенсер. – В общем, это такое сказочное создание, нечто среднее между осьминогом и кальмаром. Гигантское, разумеется. В мифах и легендах обладает способностью топить корабли. Что, разумеется, полная чушь. Попробуйте-ка утянуть на дно броненосец в пятнадцать тысяч тонн водоизмещения или дредноут в тридцать!..

– А летучая мышь? Если этот хаф-как-его-там такой громадный, то и она тоже, получается, немаленькая?

Лорд вновь кивнул.

– Ещё одно существо из мира преданий. Pteropodidae giganteus, если я ещё не забыл латынь. Понятно, что тоже выдумка – такую массу не поднимут в воздух никакие мускулы.

– А... магия? – осторожно предположила Молли, пока карета проезжала через распахнутые служителями ворота.

Граф досадливо дёрнул плечом.

– Магия может многое, мисс, я согласен. Но не всё. Иначе ваши приятели из-за Карн Дреда уже маршировали бы по улицам столицы.

Молли сочла за лучшее кивнуть.

– Но разве не мог бы какой-нибудь малефик сотворить такое страшилище, дав ему силы летать?

– Особый Департамент постоянно этого боится, – вдруг ухмыльнулся лорд. – Наверное, после всех историй о Седой, которая в одиночку чуть ли не бронепоезд способна остановить. Но должен вас уверить, мисс, что до сего момента никому из наших магов не удавалось создать ничего подобного. И хвала всем силам, великим и малым, что не удалось. Так что всё это железное великолепие, мисс Моллинэр, – сказки и не более того. Красивые, должен признать. Но сказки.

– Да, ваша светлость. – Молли склонила голову. Послушно, очень послушно.

– Ну вот, мы и прибыли. Сидите, мисс, сидите. Ждите, пока вам не откроют дверцу и не опустят лесенку. Да, и кстати, слуга не может предлагать вам опереться на его руку – это привилегия равного по положению или вышестоящего. Привыкайте, мисс Моллинэр, привыкайте. Вы теперь одна из нас, пусть у вас даже и нет громкого титула. Титулами наделяет Её Величество, а это вопрос... заслуг. Вы понимаете меня?

– Надеюсь, что да, ваша светлость, – смиренно ответствовала Молли.

Карета сделала круг по двору, заехала под высокий навес, дабы почтенным гостям не пришлось бы выбирать из неё, паче чаяния, под дождём.

– Ждите, мисс, – напомнил Спенсер. – Вы сейчас моя подопечная, не опозорьтесь сами и не опозорьте меня, дорогая. Вот теперь выходите! Так, погодите, наручники-то!.. Снять надо!..

Дверца кареты распахнулась. Ливрейный лакей с таким надменным выражением лица, что сделало бы честь королю, разложил под ногами Молли складную лесенку. Низко склонился, спина прямая, глядит вниз.

– Мисс Моллинэр. – Ещё один лорд, незнакомый. Они же все похожи друг на друга, словно родственники, решила Молли. Высокие, худые, подтянутые, поджарые. Острые носы и подбородки, колючие взгляды. И словно военные в форме, постоянно или в смокингах, или во фраках. У них что, другой одежды вообще не водится? Это ж смешно просто!..

Подаёт руку, слегка улыбается. На безымянном пальце правой руки массивное кольцо – чёрный камень и три оленьи головы.

Тонкие губы едва вздрагивают в столь же тонкой иронической улыбке.

– Лорд Перегрин, позвольте представить, – возник рядом граф Спенсер. – Мисс Моллинэр Эвергрин Блэкуотер. Мисс Моллинэр – его высококовзнесенность благородный и суверенный герцог Перегрин Кавендиш, владетель Девонширский.

– Ну-ну, дорогой друг Джонатан, – рассмеялся вдруг лорд Кавендиш. – Ещё более формального представления не могли измыслить? Последний раз так, по-моему, представляли моего отца на коронации Её Величества.

– Мисс Моллинэр будет полезно, – слегка улыбнулся в ответ Спенсер, незаметно толкнув Молли локтем в бок.

– Ваша высоковознесённость. – Молли поспешно присела. – Ваша высоковознесённость мой лорд герцог, это великая честь для меня...

– Счастлив наконец-то увидеть вас, дорогая мисс Моллинэр. И оставьте, пожалуйста, эту «высоковознесённость». Это, как я уже говорил, только для коронаций. Ну, и ещё для королевских похорон. – Он вдруг подмигнул Молли, словно отпустив невесть какую шутку. – Приветствую вас здесь, в Найт-холле. Очень надеюсь, что вы наконец-то отыщете... – он сделал почти незаметную паузу, – что вы наконец-то отыщете то общество, к которому должны принадлежать. И вы увидите, что, несмотря на титулы и кровь, мы всегда рады... новоприбывшим. Прощу!

И он широким жестом пригласил Молли внутрь.

* * *

Найт-холл оказался именно таким, каким Молли и могла представить себе жильё знатного, знатнейшего герцога, «дьюка», «владельца», чья семья получила титул в незапамятные времена, за многие сотни лет до Катаклизма.

Высокие арчатые потолки, стены, покрытые панелями красного дерева с тонкой резьбой. Стоят в простенках рыцарские доспехи, тарашатся чёрными смотровыми щелями шлемов. Висят потемневшие от времени портреты – интересно, они ведь, наверное, тоже из докатаклизменных времён? Огромные распахнутые пасти каминов, где всё время горит огонь.

Молли отвели роскошную комнату на втором этаже, где, как пояснил опекавший её Спенсер, помещались лишь самые почётные гости.

– Я-то сам только на третьем, – улыбнулся он, и улыбка эта вышла у него почти совсем совсем человеческой.

Они сидели в одной из многочисленных диванных. К Молли приставили пару молчаливых исполнительных горничных, не поднимавших на неё глаз и почти не открывавших рты.

«Да соблаговолит миледи», «не будет ли миледи угодно» и так далее, но не более.

Миледи!.. Так обращаться полагалось только к хозяйке дома, к супруге высокородного лорда, даже Фанни звала маму просто «миссис Анна».

Молли пришлось облачаться в «дневное платье». Почти вся её одежда – кроме испытанного шлема, штанов, ботинок, куртки – осталась в Норд-Йорке, а здесь камеристка с поклоном подала ей скромный, но элегантный наряд: платье тёмно-голубой тонкой шерсти с длинными рукавами, маленьким воротником, чем-то напоминавшее её гимназическую форму, только куда выше качеством. Платье сидело идеально, словно шили его специально на Молли.

Перед ними с лордом Спенсером стояла серебряная чаша с фруктами. Яблоки, сочные груши, виноград, вишня, апельсины, абрикосы – чего только тут не было!

Сам достойный граф прихлёбывал кофе мелкими глоточками.

– Сейчас начнётся, – он заговорщически подмигнул Молли.

– Что начнётся, мой лорд?

– Испытание первое. Совет пэров. Найт-холл весь гудит, на моей памяти тут никогда не собиралось столько народу...

Девятый эрл был прав. Леди и джентльмены, разодетые в пух и прах, сверкающие драгоценностями, щеголяющие изысканными шляпками. Их было много, несколько десятков, а ещё, наверное, столько же ливрейных слуг, сновавших туда-сюда.

Графы и герцоги пожаловали с супругами, многие ещё привезли свою собственную челядь. На Молли со Спенсером поглядывали с «допустимым в обществе» интересом, вежливым, но не чрезмерным.

– Запоминайте, мисс Моллинэр. За нас – за вас и меня – пока большинство. Но это преимущественно менее родовитый нобилитет. Графы. Есть несколько и более знатных, вот, в частности, здешний хозяин, Перегрин Кавендиш, герцог Девонширский. Но большинство старших пэров, то есть герцогов и маркизов, – против.

– Ваша светлость, я не понимаю...

Спенсер недовольно поджал губы, но досадовал он явно не на Молли.

– Мы уже начинали об этом говорить, мисс Моллинэр, там, на корабле.

– Да, мой лорд...

– Я говорил тогда о том, что варвары могут войти во вкус, похищая из Норд-Йорка таких, как вы. Впрочем, простите, не совсем таких. Просто магигов, кому... угрожает Особый Департамент. Говорил о благодущии старых пэров, о самоуспокоенности самых знатных и родовитых семей.

– Я помню, ваша светлость.

– Прекрасно. Но дело даже не столько в этих ретроградах... – Спенсер досадливо потёр лоб, – сколько в вас, мисс. Вы уникальны. Вы не просто магик, ускользнувший от Департамента, похищенный варварами и ими же обученный. В вас сочетаются два качества, издревле, с самого Катаклизма и появления – некоторые говорят «возвращения» – магии, считавшиеся несоединимыми. Это пугает, причём многих. Я вижу в этом открывающиеся сказочные возможности, и до недавних событий так же думали и другие, но... не стану скрывать, мисс Моллинэр, ваше отчаянное сопротивление, масштаб наших потерь, понесённых от вашей руки, настроили целый ряд влиятельных пэров против вас. В их числе Норфолк, Сомерсет, Бедфорд, Бьюфорт, Рутланд...

– Я всё равно не понимаю, ваша светлость. – Молли беспомощно развела руками. – Что за второе качество? И потом... я же сдалась. Я могла бы уйти с варварами, а Особый Департамент всё равно бы ничего не сделал с моими родителями, верно? Потому что тогда, – глаза Молли сузились, – меня было бы уже не остановить.

– Не слишком-то задавайтесь, – буркнул Спенсер, но слова Молли на него подействовали. – У нас тоже есть тузы в рукаве. Вы видели. В подземельях и потом...

– Видела, ваша светлость, – кивнула Молли. – И потому не хочу ссориться. Думаю, что вы сможете помочь братику.

– Да. – Спенсер как-то странно повёл плечами, словно ему жал облегающий фигуру смокинг. – Помочь. Конечно же, мисс Моллинэр. Можете не сомневаться. – Но в глаза ей он при этом не смотрел.

– Так что же мне делать, ваша светлость?

Спенсер прикусил губу. На лице его вдруг появились невесть откуда взявшиеся морщины.

– Пэры подозревают вас в двойной игре, – еле слышно проговорил он. – Что сдались вы притворно, только чтобы выручить родителей. Они считают, что риск слишком велик.

Молли сидела, ощущая, как в животе расправляет лапы ледяной паук ужаса.

– Но я их переубеждаю, мисс Моллинэр. Я говорю им, что кровь остаётся кровью. Что вы уже помогли нам, честно признавшись в наличии связного варваров и сути вашей миссии в Норд-Йорке. Что ваш дом здесь, а не за Карн Дредом. Что мы, пэры, тоже виноваты, не разглядев сразу ваш редкий талант, ваш редчайший дар. Тут они, правда, начинают, гм, упрекать вашего покорного слугу. – Спенсер улыбнулся, и это вновь была почти человеческая улыбка. – Упрекать в том, что я вовремя не заметил, не обратил достаточного внимания. Но это уже не имеет отношения к нашей сегодняшней беседе, мисс. Вы спрашиваете, что вам делать? Елико возможно убеждать остальных пэров, что никакой двойной игры вы не вели и не ведёте, что единственное ваше желание – «вернуть всё как было». Что вы готовы приложить все усилия, чтобы исправить урон, невольно, при вынужденной самозащите, причи-

нённый Короне. Что вы готовы к новой жизни, совершенно иной жизни, жизни здесь, – он повёл рукой, – среди людей моего круга. А эта жизнь, мисс Моллинэр, она и впрямь совсем другая. Да берите уж вы эту грушу, я же вижу, вы на неё смотрите, словно ваша подружка-волчица на мясо!..

– Ага, – согласилась Молли, вонзая зубы в сочную мякоть. – Совсем другая жизнь, это точно.

– Нет, дело не в богатстве. – Спенсер покачал головой, не принимая её тона. – Дело именно в жизни, совсем иной жизни. Мы храним Империю, мисс Моллинэр, да простится мне этот пафос. Мы все – пэры – зависим друг от друга, а Её Величество зависит от нас. Мы удерживаем всё в равновесии, и не только Империю, а, считайте, весь Старый Свет, кроме, разумеется, варварских земель на севере и востоке. Но нам нужно... нам требуется... гораздо большее. Можно долго рассуждать о сути Катаклизма, но факт в том, что только мы, пэры Империи, способны вести человечество по пути прогресса. Мы аккумулируем бесценное знание и противостояем тому древнему ужасу, той страшной бездне, куда тянет нас дикая, никем не контролируемая магия. Природа ввергла нас в хаос... но мы поднимаемся из пропасти, медленно, но верно, мисс Моллинэр. И вопрос в том, хотите ли вы быть с будущим, то есть с нами, или с прошлым, то есть с варварами.

Лорд, явно разволновавшись, говорил быстро, горячо и, как показалось Молли, искренне.

– Нобилитет – лучшее, что есть у Империи, – продолжал меж тем Спенсер. – Мы не богатые бездельники, как можно было б подумать. У каждого за плечами университет. У нас есть инженеры, архитекторы, механики, офицеры, оружейники, врачи... все. У меня, например, диплом инженера-кораблестроителя. А знаете, мисс Моллинэр, что было моим дипломным проектом? Линейный крейсер, мисс, да-да. То, что прославило Первого лорда Адмиралтейства адмирала Фишера, было моей идеей. Корабль с орудиями, как у дредноута, но с более лёгкой бронёй и куда более высокой скоростью. «Инвинсибл», «Инфлексибл», «Индомитабл» – знаменитая теперь троица. Мой дизайн, моя идея!.. И сподобило ж меня, наивного и восторженного, показать это всё герцогу Йоркскому... родственнику того самого Первого лорда... – Спенсер вдруг улыбнулся тонкой змеиной улыбкой. – Впрочем, я не в претензии. Империя получила отличные корабли, а лорд Фишер... лорд Фишер всякий раз краснеет, когда мы с ним сталкиваемся, и принимается путано извиняться. Вот это, мисс Моллинэр, – бесценно!

– Я... я не знала, – чуть растерянно отозвалась Молли. – Лорд Фишер всюду прославляется как отец и «Дредноута», и линейных крейсеров...

– Вот и пусть прославляется дальше, – усмехнулся Спенсер. – Впрочем, достаточно экскурсов в прошлое, мисс Моллинэр. Мне уже пора заканчивать дозволенные речи, если я не ошибаюсь, нас вот-вот позовут. Вы не заметили, как вокруг всё стихло? Нобилитет собрался на совет. Так вот, мисс Моллинэр, мы не только лорды и пэры, хранители традиции и порядка, не только военные, инженеры, строители и изобретатели. – Он понизил голос. – Мы стоим на пути разрушительной магии. Страшной, убийственной, беспощадной. Та самая наша «пустота», мисс Моллинэр, – вы ведь понимаете, о чём я?

– Ч-частично, мой лорд...

– Это не страшно, вы всё узнаете в своё время. Но мы можем только сдерживать эту дикую магию, а вы... кто знает, на что вы окажетесь способны!

Молли вздрогнула. Уж не волшебных ли Зверей имеет в виду наш достойный лорд? И как именно «сдерживают» пэры эту самую «дикую магию»?

Она не удержалась – выпалила это вслух.

Спенсер довольно улыбнулся.

– Вижу, я сумел вас заинтересовать, мисс Моллинэр. Это хорошо, признаюсь, я считывал на ваше любопытство. Но всему своё время. Вы увидите, будучи одной из нас... жизнь отнюдь не сводится к светским раутам или даже научным изысканиям. Мы вынуждены идти навстречу грозящей смести нас магической силе – или силам, идти с открытым забралом. Наш арсенал ограничен, хотя и достаточно могущественен. Мы, скажем так, способны поддерживать некое равновесие, известной степени баланс. Вы – я убеждён – способны его сместить в нашу пользу. Да-да, мисс. Но об этом – позже. Нам пора... нет-нет, сидите. Благородное сословие никогда никуда не торопится, но является всегда вовремя. Для этого есть специально обученные слуги. Доедайте грушу, доедайте, дорогая моя.

И точно – стоило Молли окончательно расправиться с фруктом, как рядом с ними появился очередной лакей в темно-фиолетовой ливрее с гербом Девонширов.

– Его светлость господин граф и её милость леди Моллинэр Блэкуотер приглашаются, – прошелестел он, согнувшись чуть ли не вдвое.

Леди!..

Но она не «леди». У неё нет титула.

– Пока нет, – словно прочёл её мысли Спенсер. – Но не беспокойтесь, у нас всегда имеется в запасе несколько свободных владений. Даже, к сожалению, слишком много: оттого, что нобиль, несмотря на долгую жизнь, умирал, не оставив потомства. Пойдёмте, мисс Моллинэр. Обопритесь на мою руку – вы сейчас выступаете как «молодая леди Блэкуотер», моя, гм, подопечная.

Где-то сейчас Ярина, отрешённо думала Молли, шагая рядом с графом. Небось шмыгает тут всюду, ей раздолье – я не видела ни единой кошки или фокса-крысолова. Хорошо, что Фитиль на броненосце остался...

– Сюда, мисс Моллинэр. И... ничего не бойтесь, – вдруг подмигнул ей Спенсер. – Вы боец, каких мало, убедился, гм, на собственной шкуре.

Они стояли перед высокими дверьми чёрного дерева, по обе стороны застыли недвижимые, словно статуи, ливрейные лакеи, вперившие оледенелые взгляды куда-то в пространство.

– Ничего не бойтесь, – повторил граф. И слегка сжал её ладонь, лежавшую чуть ниже его запястья.

Створки перед ними распахнулись сами собой, и Молли, стиснув зубы, решительно шагнула за порог.

Нет, это не походило на обитель зла. Длинный зал с высокими арчатыми окнами, они задёрнуты светлыми газовыми занавесями, пропускающими достаточно света.

На то место, где «заседают», это не походило тоже. Тут и там расставлены круглые столики под белоснежными скатертями, сервирован чай, стоят вазы с фруктами. В дальней стене и в боковых ярко пылают аж три камина; разряженные лорды и леди расселись кто где, перепархивают негромкие смешки – непринуждённая светская беседа, ничего общего с «решением судеб мира».

– Его светлость граф Джонатан Спенсер, её милость леди Моллинэр Блэкуотер, – каркнул слуга слева от дверей.

Зала стихла.

Пэры и их спутницы разом вперились в Молли. Весьма невоспитанно и даже демонстративно. Налажены монокли, поправлены очки, подняты лорнетты.

– Прошу, дорогой Джонатан, мисс Моллинэр. – Им навстречу шагнул уже знакомый хозяин, лорд Кавендиш. – Леди и джентльмены, благоволите обратить внимание. Момент, которого мы ждали так долго, наступил. Вы все знаете предысторию, вам известна дилемма, вставшая перед нами. Давайте воздадим должное лорду графу Спенсеру, равно как и лордам герцогам Бедфорду, Сомерсету, Бьюфорту, Графтону и миледи герцогине Рутланд, чьими усилиями всё это вообще стало возможно. Если никто не пожелает сделать со своей стороны какое-то вступительное замечание, я, с вашего разрешения и на правах, так сказать, хозяина, хотел бы начать...

– Я бы пожелал заметить, друг мой Перегрин.

Скрипучий, холодный, злой голос из дальнего угла.

– Разумеется, дорогой мой лорд Норфолк. – Голос Кавендиша оставался любезным, мягким, спокойным, но Молли поклялась бы, что он удивлён, притом крайне. – Просим, досточтимый герцог.

Норфолки – второй по древности род, если она, Молли, правильно помнит болтовню бедолаги Кейти...

Из дальнего угла, от жарко пылавшего камина, на свободное пространство меж столиков вдруг выехало инвалидное кресло.

Худой, измождённый, скрюченный неведомой болезнью старик, морщинистый до такой степени, что казалось, всё лицо его состояло из одних лишь складок. Густые кустистые брови нависали над холодными льдистыми глазами, прячущимися за целой системой линз. Ноги неестественно выгнуты, скособочены, но длинные иссохшие пальцы рук, однако, крепко держатся за рычаги – старый герцог не мог ходить, но кресло своё считал нужным приводить в движение самостоятельно.

– Благодарю, дорогой Перегрин. – Благодарности в голосе Норфолка не набралось бы и на пенни. – Леди и джентльмены, я хотел бы вновь и вновь призвать вас к благоразумию. Вы, похоже, заморожены теми сказками, что так красочно излагал нам юный граф Спенсер. Знал бы его дед, до чего дошёл внук!.. – Лысая голова конвульсивно дёрнулась, словно от негодования. – И даже дело не в том, что граф по свойственной его роду горячности притащил сюда эту бедную девочку...

Гм, «бедную девочку»?! Что это значит?

Молли изо всех сил боролась с желанием сжать кулаки. Нет, нельзя, руки в белоснежных перчатках должны оставаться спокойными и расслабленными...

– Эту бедную девочку, которой он, выражаясь простонародным языком, задурил голову, наобещав невесть что. Леди и джентльмены, попытки смешать лёд и огонь обречены на провал. Нашему юному графу Джонатану, внуку моего давнего друга, столь безвременно и трагически нас покинувшего, это должно быть известно лучше, чем кому бы то ни было.

– Мой лорд герцог Норфолк, – холоду и льду в голосе Спенсера позавидовали бы полярные шапки. – Скорбя по моему деду, и в самом деле безвременно нас покинувшему в результате несчастного случая в его лаборатории, не могу, однако, не заметить, что слова ваши сейчас весьма и весьма неуместны. Перед нами юная мисс Блэкуотер, в которой впервые за всё время наблюдений достоверно соединились...

– Чепуха! – гаркнул Норфолк, и это был настоящий рык, никак не вязавшийся с иссушенным недугом, измождённым телом. – Это как два полюса магнита, Спенсер, молодой вы осёл! Их не свести! Это понимал ваш дед, незадолго до трагической гибели своей написавший мне письмо с добровольным отказом от изысканий, подобных вашему, а вот вы...

Собрание зашумело, и хозяин поспешил вмешаться.

– Джентльмены, джентльмены! Прошу вас, граф! И вас, мой дорогой лорд герцог!..

– Это глупости и, как показывает печальный опыт вашего деда, – глупости опаснейшие! Попытки создать холодное пламя или горячий лёд!..

– Холодное пламя вполне себе существует в природе, любезный герцог, – сдержанно возразил Спенсер.

– Светит, да не греет! – каркнул в ответ тот. – А нам нужно, чтобы жар шёл!

– Скорее уж холод, если принимать во внимание натуру нашего с вами общего дара, герцог.

– Друзья мои, друзья, к чему эти нелепые дискуссии? – попытался примирить спорщиков Кавендиш. – Лорд Норфолк, ваше мнение нам понятно. Всё, что...

– Всё, что меня интересует, – перекрывая шум, вновь зарычал Норфолк, – это моя процедура!.. Наш обряд, назначенный на сегодняшнюю ночь!..

Молли поймала сконфуженный взгляд Спенсера. Слова эти ей явно не полагалось слышать.

– Сударь мой герцог. – Льдины сталкивались теперь в голосе Кавендиша. – Ваша первоочерёдность не подлежит никаким сомнениям. Всё необходимое уже доставлено, обе компоненты. Процедура пройдёт строго по расписанию. Оно, если мне не изменяет память, никогда не нарушалось, ни при каких обстоятельствах. Мой лорд герцог, имеете ли вы что-то сказать по сути?..

– Я только и делаю, сударь мой Перегрин, – жёлчно отрезал Норфолк, с явным трудом поворачивая голову, – что говорю исключительно по сути!.. Просто суть нашего собрания несколько иная, чем представляется не только Джонатану, но и, похоже, вам! Суть в том, чтобы процедуры продолжались, как продолжают, чтобы продолжались бы наши изыскания, а всё прочее, включая эту девочку... представляет интерес с точки зрения разве что евгенической. Не так ли, мой юный друг? – взглянул он на Спенсера. – Не это ли у вас в голове? Хороший выбор, не спорю – был бы. Если бы девчонка не была магом, которому место в «стакане»!

– Довольно! – яростно вскинулся Спенсер. – Вы забываетесь, Норфолк!

– Завтра я дам вам любую сатисфакцию, юноша, – не растерялся старик. – Но завтра. Подождёте? Выбор оружия оставлю за вами.

– Джентльмены! – возопил герцог Девонширский, бросаясь между спорщиками. Повскакивали с мест и многие гости с гостьями.

Молли стояла совершенно потерянная. Что всё это значит? И что такое «евгеника»? В школе они этого не проходили, а сама она читала всё больше про машины и механизмы. Почему так разъярился Спенсер? Красный как рак, пар только что из ушей не идёт. И что за процедура? С двумя уже доставленными компонентами? Что за «наш обряд»?

В спор вмешались тем временем остальные пэры. Выделялся высокий и резкий голос какой-то дамы в алом и чёрном, весьма решительно напиравшей на Норфолка.

– Довольно, довольно! – Кавендишу наконец-то удалось навести некое подобие порядка. – Лорд Норфолк, лорд Спенсер, свои разногласия прошу улаживать в ином месте. Дорогой герцог, ваша очередь – сегодня, и, повторяю, к процессу всё готово. Вам совершенно не о чем беспокоиться. Но, если я правильно вас понял, вы категорически против предложения графа?

– Категорически, полностью и абсолютно! – прокаркал Норфолк, не выходя ни смущённым, ни растерянным. – Она магик, и чтобы определить это, мне не нужны никакие ваши камеры, Спенсер! Отсюда вижу!.. Магия в ней так и кипит!.. Наша... особенность с этим никак не сочетается, я уже сказал – как лёд и пламень, простите за банальность, в третий раз повторяю, леди и джентльмены!.. Скольких наших солдат и офицеров она уже убила? Можете ответить, а? Мы не знаем точно, как звали того мага, что сжёг бронеходы под этим варварским городишкой – как его, Mstislavl? – однако у всех у нас имеются подозрения,

переходящие, гм, в уверенность! Она убивала слуг Короны здесь, в Норд-Йорке, – и, уверен, там, за Карн Дредом!.. Зачем вы вообще притащили её сюда, Спенсер?! Ей здесь не место!.. А где место – вы знаете лучше меня, джентльмены!..

– Спокойно, дорогой герцог, спокойно, – заговорил один из незнакомых Молли пэров, носивший окладистую бороду. Поднялся – высокий, крупный, неспешно, солидно огладил эту бороду – с явным удовольствием. Он единственный из присутствовавших позволял себе носить на лице подобное «варварское» украшение. – Дорогой Перегрин, друг мой Джонатан, могу ли я обратиться к вашей подопечной?

Молли затаила дыхание.

– Конечно, дорогой маркиз, – немедля кивнул Девоншир. Спенсер кивнул тоже, молча сжав на миг Молли предплечье.

– И о чём вы собрались её спрашивать, любезный Эммануил? – ядовито осведомился Норфолк, ловко разворачиваясь на своём кресле. – И что вам это даст? Не верите мне, что она магик? Так поинтересуйтесь у командиров Горного Корпуса подробностями их недавних боёв! По-моему, всё очевидно! Никогда доселе варвары не выказывали способностей ко столь разрушительной, столь могущественной магии!

– Я всецело верю вам, любезный герцог, – невозмутимо отозвался бородач. – Но это не отменяет главного. Мисс Моллинэр обладает тем же, чем обладаем мы. Что делает нас благородным сословием. Как видно, оно не только передаётся по наследству. И теперь нам остаётся решить, как посту...

– А дважды два – четыре, любезный маркиз. – Герцог Норфолк продолжал играть роль возмутителя спокойствия. – Что именно вы хотите, чтобы мы решили? Что вы можете предложить?

– По-моему, это очевидно. – Приятный бас бородача оставался по-прежнему спокойным и выдержанным. – Дать возможность мисс Моллинэр пройти испытание. Делом доказать свою принадлежность к нашему кругу. Какой в этом ущерб, любезный герцог?

– Я вам отвечу, Дорсет, – язвительно бросил старый нобиль. – Но не при этой... не при этом... недоразумении.

– Герцог, – неожиданно прозвучал женский голос, высокий и чистый, напевный. – Дорогой друг мой герцог, вы ведь помните Статут, не правда ли?

– Высококочтимая графиня, – не растерялся Норфолк, – уверен, что знаю Статут лучше, чем ваша камеристка – ваши собственные гребни и притирания. И знаю, что вы скажете. Что Статут определяет принадлежность к нобилитету по наличию нашей... гм... особенности и ни по чему другому. Никакие иные обстоятельства рождения, родства, крови и так далее и тому подобное не могут помешать – ну, дальше вы помните, я надеюсь.

– Так о чём же мы спорим? – Говорившая гибко поднялась: высокая, стройная, в шляпе с неожиданно широкими полями, затемнявшими лицо. – Зачем все эти словопрения, дорогой герцог, если Статут уже всё решил за нас?

Наступила тишина. Похоже, что сторонникам Молли пришлось выложить на стол свой главный аргумент.

Сама Молли, конечно же, никогда не слыхала ни про какой Статут и понятия не имела, что это такое.

– Милая Рэйчел, – почти ласково проскрипел старый герцог. – Простите за столь вопиющую фамильярность, но я помню вас ещё маленькой девочкой, – так вот, я уже доказал, что Статут помню превосходно, и память меня не подводит. Только вот не подскажите, говорит ли Статут хоть что-то о наличии у кандидата разом двух взаимоисключающих способностей?! А?

Собрание одобрительно зашумело.

– *Sit venia verbo*⁴, – не давал прервать себя Норфолк, – *secundum ordinem*⁵ мы просто не можем механически применить наш старый добрый Статут. И, возвращаясь к вам сказанному, милочка, насчёт «включая, но не ограничиваясь». – Старый герцог премерзко ухмылялся. – *Est modus in rebus*⁶, и потому я предлагаю именно что *включить* соображение, не *ограничиваясь* ничем в сём процессе, вероятно, для вас волнительно новым, дорогая графиня. Головой подумать никогда не пытались?! – вдруг рявкнул он. – Или она у вас исключительно шляпки носить?! Древняя бумажка для вас важнее реальности?! Именем давно мёртвого короля прикрываться будете, пусть даже и великого?! Он ведь не предвидел появления этого феномена, не смог предвидеть! И за все века ничего подобного не появлялось! Никем не отмечено, никем не задокументировано! И имеем мы дело с *recliaribus adiunctis*, особыми обстоятельствами! Обстоятельствами, не упомянутыми ни в каких Статутах! И единственная статья из него, прямо и непосредственно применимая сейчас, – это статья о первоочередности сохранения самого нобилитета. Как там сказано, Рэйчел, не напомните?..

Графиня безмолвствовала. Выждав несколько мгновений, герцог торжествующе продекламировал:

– *Ad modum nobilis interest servare omnimodo*, совершенно необходимо сохранение нобилитета любой ценой. Это есть цель превыше всего. И когда мы не можем оценить риск, когда даже представить себе не можем, чем всё это кончится, – есть только один выход, очевидный любому здравомыслящему. – Он мрачно воззрился на Молли. – Всё, больше я при ней ничего не скажу.

– И совершенно напрасно, Норфолк, – угрюмо процедил сквозь зубы Спенсер, отбросив и малейшую претензию на вежливость. – Она пережила и прошла через такое, что вам и не снилось. Ваши приключения в Раджпутане не идут ни в какое сравнение. Так что говорите, Норфолк, не оскорбляйте мисс Моллинэр злоязычием у неё за спиной. Имейте храбрость сказать ей всё прямо в глаза, Норфолк, герцог и лорд-маршал!

Молли стояла ни жива ни мертва. И самое ужасное, что в груди властно шевельнулась та самая сила, та самая магия, которой так страшился старый герцог.

– Я от вас приказываю выслушивать не намерен, мой юный друг, – отвернулся Норфолк. – Завтра... в крайнем случае – послезавтра я буду готов встретиться с вами как положено двум нобилям. И вам я больше тоже ничего не скажу.

Герцог Девоншир вновь принялся взывать к благоразумию, к нему присоединились ещё несколько пэров. Общими усилиями порядок удалось кое-как восстановить, скандалист Норфолк, раскрасневшись и недовольно бурча, вынужден был уступить.

Нет, не в главном – а лишь в том, что «прения сторон» стоит продолжить «в цивилизованной и благородной манере».

Молли стояла, непонимающе глядя по сторонам. Лорды перебрасывались латинскими фразами, вспоминая какие-то одним им известные исторические документы, акты древних королей, оказывается, уже тогда весьма озабоченных «проблемой магии».

Погодите, вдруг лихорадочно подумала Молли, это что ж, они имеют в виду мир *до Катаклизма*? Но разве тогда была магия? Это ведь сказки...

Впрочем, сказочным флёром подёрнулся и сам Катаклизм, не только всё, что было *до*.

Наконец совместными усилиями герцогу Кавендишу и маркизу Дорсету удалось добиться тишины; даже Норфолк умолк, недовольно фыркая себе под нос.

⁴ Да будет позволено сказать (*лат.*).

⁵ В силу порядка вещей (*лат.*).

⁶ Есть мера в вещах (*лат.*).

– Наконец-то мне можно будет поговорить с виновницей всего этого переполоха, не так ли? – потёр руки бородачатый лорд Дорсет. – Леди и джентльмены, мы ведь для того и позвали её сюда, верно?

Собрание закивало. Герцог Норфолк закатил глаза и скорчил гримасу.

– Мисс Моллинэр, – бородач нависал над ней, словно гора. – Мисс, я позволю себе задать вам несколько вопросов.

– Д-да, ваша светлость... – Она с усилием проглотила комок в горле.

Спенсер рядом с ней повёл плечами, словно готовясь немедля кинуться в драку. Это было странно, бородачатый маркиз Дорсет вроде как защищал её?

– Знакомо ли вам чувство пустоты? – Лорд глядел ей прямо в глаза. Массивная ладонь протянулась, словно желая взять Молли за руку, но тут уже вступил в дело сам девятый эрл:

– Прошу вас, Эммануил, воздержитесь от касаний.

– Вот как? – поднял брови бородач. – Помилуйте, друг мой Джонатан, вот уж кто бы стал желать вреда вашей... – он сделал многозначительную паузу, – подопечной, так это не я. Но будь по-вашему. Так как насчёт пустоты, мисс?

– Знакомо, мой лорд, – еле слышно пролепетала Молли, опуская глаза.

Ещё бы ей не было знакомо «ощущение пустоты»! Особенно когда иссякала магия, и она мучительно, через боль, вытягивала из себя недостающие капли!..

– Когда вы его испытывали? При каких обстоятельствах?

Осторожнее, подруга! Бородач наверняка только прикидывается расположенным к ней. Нет, лучше уж такие, как герцог Норфолк, с ними, по крайней мере, всё ясно и понятно.

– Н-ну-у-у, – замялась Молли, – так сразу и не упомнишь... Иногда мне кажется, что оно было всегда, просто я не замечала... а вообще – когда устанешь... когда... когда пугаешься чего-нибудь... когда есть хочется, в конце концов...

Последнее её замечание вызвало заметное оживление среди лордов, даже скособоченный Норфолк ухмыльнулся, и вовсе не злобно.

– Когда вы голодны, у вас, мисс, пустой живот, – улыбнулся бородач Дорсет.

– Не только! – осмелела Молли, почуяв, с одной стороны, почву под ногами, а с другой – прилив того же вдохновения, что помогло ей в своё время придумать всю версию с собственным «шпионством для варваров». – Тогда острее чувствуется, вот и всё!.. И вот ощущаешь, знаешь, что где-то внутри чего-то тебе не хватает!..

Сдержанные смешки вокруг.

– Очень хорошо, мисс, – подбодрил её Дорсет, поглаживая бороду. – А как вам удалось избавиться от ощущения этой пустоты? Если вообще удалось?

Вот странные вопросы какие. Пустота заполнялась магией, сила всегда возвращалась к Молли, не сразу, не быстро, разными путями, но возвращалась.

Однако от неё явно хотели чего-то иного.

Стоп. С чего вообще началась вся эта история с тем, что она – такая же, как благородные нобили Империи?

С того, что на неё пялилась камера Особого Департамента и, не видя потраченной и ещё не вернувшейся магии, углядела нечто иное. Ту самую пустоту.

Осторожнее теперь, Молли, одно неверное слово – и тебя раскусят!..

– Мне не удавалось, ваша светлость. Пустота всегда была. Просто я не знала...

Кажется, она попала в точку. Пэры переглядывались, словно получив подтверждение каким-то своим предположениям.

– А ваша собственная магия... – сощурился маркиз и вновь огладил бороду. – Как она относилась к вашей же пустоте? Пыталась её заполнить? Что вы чувствовали?

Пустота – отсутствие магии – делала пэров пэрами, лихорадочно соображала Молли. И у них самих ничего подобного её дару не было ни у кого. Они не могут знать, как это «чувствуется», она может говорить, не опасаясь подвоха...

Нет! Стоп! Спенсер решил, что она одна из них, когда не просто не увидел в ней магии, но увидел ту самую пустоту, оставленную потраченной силой.

Лорды ощущают это отсутствие, подумала Молли. И ещё – если вспомнить их клинки, схватку Спенсера с призрачной дрезиной в подземельях Норд-Йорка – они научились эту пустоту как-то использовать.

– Нет, ваша светлость. Моя магия... никак это не заполняла.

– Да, и это вызывает массу вопросов, особенно к вам и вашим методам, граф! – не утерпел Норфолк.

– Именно, любезный герцог, – подхватил Дорсет. – Именно поэтому я настаиваю на испытаниях. На немедленных, – сделал он ударение, – испытаниях.

– Каких именно, маркиз? – невозмутимо поинтересовался хозяин, герцог Девонширский.

– Мы столкнулись с феноменом, досточтимый Перегрин. Герцог Норфолк правильно отметил – с небывалым феноменом. В сохранившихся архивах нет ничего подобного. Значит, прежде чем что-то решать, надо получить как можно больше достоверных сведений – по моему, это однозначно.

– И у вас уже есть программа, друг мой Эммануил? – сквозь зубы осведомился Спенсер. – Я знаю, вы большой затейник и...

– Об этом, – неожиданно ледяным голосом уронил бородатый маркиз, – о том, какой я, как вы изволили выразиться, «затейник», я охотно побеседую с вами после. Что же до программы... полагаю, догадаться нетрудно. Нам нужны демонстрации, практические демонстрации способностей мисс Моллинэр. Причём... обоих её качеств.

Спенсер неожиданно положил Молли руку на плечо.

– Я не понимаю, какие ещё нужны вам демонстрации. Вам мало случившегося в Норд-Йорке? В самом городе и в его подземельях? Желаете освежить в памяти список наших потерь? Или, может, желаете поговорить с присутствующими здесь лордами – герцогом Сомерсетом и другими, когда мы все сошлись с мисс Моллинэр, так сказать, лицом к лицу?

– Я желаю, – холодно ответил Дорсет, воинственно задирая бороду, – воочию убедиться в комплементарности обсуждаемых качеств.

– Они комплементарны, можете поверить мне на слово, – не сдавался Спенсер. – Вот, убедитесь сами! Качества комплементарны, а доказательство – прямо передо мной! Вот это вот рыжеволосое доказательство...

И он вновь стиснул Молли плечо.

– Предлагаю решить вопрос, как принято в нашем собрании, леди и джентльмены. – Дорсет проигнорировал девятого эрла, повернувшись к слушателям. – Сударь мой герцог, уважаемый хозяин, в вашей власти поставить...

– Да, маркиз, я согласен, – кивнул Кавендиш. – Дамы и господа, прошу ответить на вопрос досточтимого маркиза. Следует ли подвергнуть мисс Моллинэр немедленным испытаниям?

Все дружно вскинули руки. Все, кроме лорда Спенсера.

– Принято подавляющим большинством голосов при одном воздержавшемся, – не без удовольствия констатировал Дорсет. – Воздержавшемся, не правда ли, друг Джонатан? Ибо я не смогу себя убедить, что вы стали бы голосовать против. Тогда прошу поставить и второй вопрос – доверит ли высокое собрание мне проведение сих испытаний?

– Но мы все должны присутствовать! – каркнул неугомонный Норфолк.

– Скажем так, присутствовать смогут все желающие, – мягко поправил его маркиз.

– Я-то точно желаю, – орлом оглядел остальных старый герцог.

– И прекрасно, ваша высоковзнесённость, – улыбнулся Дорсет, явно в шутку употребив формальное обращение. – Тогда я бы предложил третье и последнее на сегодня – начать испытания немедленно. Вот прямо сейчас.

– Протестую, – хрипло зарычал Спенсер. Молли с удивлением заметила бисеринки пота на его висках. – Испытания надлежит тщательно обдумать и обсудить. Не в обиду вам будь сказано, маркиз, но у меня куда больше опыта общения с мисс Моллинэр, и я...

– И ваше «общение» с ней закончилось крайне тяжёлыми потерями среди персонала Особого Департамента и полицейских сил Норд-Йорка, – жёстко перебил бородач. – У вас влиятельные заступники, Спенсер, но я привык смотреть на результаты. А результаты вашей деятельности, если, конечно, её можно так назвать, – увы, плачевны. Поэтому, уважаемый Перегрин, прошу поставить перед собранием мою последнюю просьбу.

Молли стало не по себе, очень не по себе. Спенсер в ярости кусал губы – куда подевалось всё его хладнокровие!

– И опять почти единогласно при единственном воздержавшемся, – усмехнулся меж тем маркиз, вновь лицезрея лес поднятых рук. – Мисс Моллинэр, благоволите пройти со мной. Все желающие, леди и джентльмены, приглашаются присоединиться.

Молли быстро взглянула на девятого эрла. Кем бы он ни был, что бы ни делал в прошлом, сейчас – чувствовала она – он был на её стороне, пусть даже исходя из собственных интересов.

Губы графа плотно сжаты, рука тискает набалдашник трости. И вдруг он наклонился к самому её уху, рука его обняла её за талию.

– Покажи им, Молли, – услышала она.

Это был злой, горячий, неистовый шёпот. «Мисс Моллинэр» осталась в прошлом.

– Прошу за мной, дамы и господа, прошу за мной! – возглашал меж тем Дорсет. Герцог Норфолк препирался с каким-то ливрейным мужчиной, судя по золотому шитью – мажордомом, не меньше, требуя «немедля сопроводить его к лифту».

Ноги у Молли едва двигались, коленки не сгибались.

«Покажи им, Молли».

Чего угодно ожидала она, только не этого.

Она шла по коридорам Найт-холла, или, вернее, её вёл лорд Спенсер, поддерживая под руку. Стены, простенки, гобелены, картины, высоченные мраморные вазоны с цветами...

– Сюда, прошу сюда, – взмахнул рукой Дорсет, останавливаясь у неприметной узкой дверки.

Открылась винтовая лестница вниз, и, неприятно напоминая Особый Департамент, вились по стенам бесчисленные кабели с трубопроводами.

– Ничего не бойся, – прошипел ей в ухо Спенсер. – Ничего, поняла? И если что... бей со всей силой.

Молли проглотила вставший в горле комок, в животе разлёгся липкий холодный страх.

Серый бетон стен. Как же это и впрямь похоже на Департамент; не успеешь глазом моргнуть, как окажешься в «стакане».

Винтовая лестница вывела в просторный высокий подвал. Он не казался особенно страшным или мрачным, напротив – здесь хватало естественного солнечного света, проникавшего через специальные шахты с зеркалами.

Здесь шипел пар, тянулись трубы, и с каждым шагом всё крепче и крепче становилось недоброе предчувствие.

Так, а это что? Поворот – и Молли оказалась на краю просторного амфитеатра, вниз уходили ряды ступеней с устроенными там комфортабельными креслами. А в самом низу, где, как ни странно, было светлее всего – туда открывались сразу три световые шахты, –

виднелось нечто вроде железного лабиринта: какие-то торчащие стальные штыри, перекладины, перемычки, а в глубине затерялась пара круглых табуретов, как две капли воды похожих на департаментские.

– Вам туда, мисс, – широко улыбнулся маркиз.

Губы его растянулись, обнажая ровные, прекрасные, белейшие зубы; а в глазах...

В глазах пряталась крошечная тьма.

Такая тьма, что Молли невольно схватила Спенсера за локоть.

– Не бойтесь, мисс, у нас здесь не Особый Департамент, – по-своему истолковал её замешательство Дорсет. – Это испытания, необходимые прежде всего вам самой. Ваш редкий дар нуждается в... изучении и в огранке, назовём это так.

– Осторожнее, маркиз, – прошипел ненавидяще Спенсер. – Смотрите не... не увлекитесь. Огранкой, я имею в виду.

– Я приму ваше ценное замечание к сведению, граф, – невозмутимо ответил маркиз. – А вот, кстати, и наш дорогой Норфолк! Начинать без него было бы крайне невежливо...

Старого герцога вывели из широко раскрывшейся двери новомодного лифта.

– Не приступили? Нет? – строго пытал старик склонившегося перед ним лакея. – Ага, не приступали, – резюмировал он с удовольствием, дав наконец себе труд оглядеться. – Везите меня, не стойте!.. Вон прямо и везите, да-да!..

Герцог, как уже успела убедиться Молли, прекрасно сам управлялся со своим креслом, но теперь, похоже, просто капризничал, оказавшись в центре внимания.

– Проходите, мисс, – продолжал широко улыбаться Дорсет. – Нет-нет, милый граф, а вас я попрошу остаться. Вот тут прекрасное место, вам всё будет отлично видно...

Маркиз ничуть не боялся. Больше того, дразнил и всячески злил Спенсера, но зачем, почему и для чего – Молли не понимала.

Клубок змей, подумала она, пока Дорсет увлекал её в самое сердце амфитеатра. Хотя почему змей? Разве змеи так уж злы по отношению к своим собратьям?..

Она оглянулась. Лорд Спенсер застыл с перекошенным от ярости лицом, клинок на пол-ладони высунулся из скрывавшей его трости. За спиной его, однако, выросло сразу трое дюжих молодцов, правда, без ливрей. То ли слуги, то ли...

О дальнейшем она подумать не успела.

– Прошу сюда, мисс. Садитесь. Нет-нет, ничего не бойтесь, сковывать вас никто не будет, это ж не Департамент, мы не мясники Спенсера.

«Мясники Спенсера»? Это тут ещё к чему? Спенсер не возглавлял Особый Департамент Норд-Йорка...

Она повиновалась, усевшись на жёсткий круглый табурет. Справа, слева, сзади, словно чудовищные декорации пьесы безумного драматурга, – железные штанги, стойки, перекладины. Возле ног – самые настоящие рельсы, по ним удобно катать тележки. Вообще пол весь усеян круглыми стальными заглушками, а может, крышками.

– Вы готовы, мисс? – Маркиз Дорсет, властно взявшийся распоряжаться, театрально возвысил голос.

Молча стоит, скрестив руки на груди, хозяин Найт-холла, герцог Девоншир. Который вроде бы «за неё». Молчит и явно чего-то ждёт.

Стоит и лорд Спенсер. Все вокруг него сидят, иные с иронией косятся на разъярённого пэра. Вот тоже непонятно, чего он злится? Испытания так испытания. Стоило её тащить на какой-то остров, чтобы просто прикончить!.. Это они вполне могли бы сделать и в Норд-Йорке.

А ряды сидений уже заполнены. Почти три десятка леди и лордов сочли необходимым присутствовать – и сейчас глядели на неё, изредка, впрочем, достаивая вниманием и графа Спенсера, игравшего в этом обществе роль, похоже, некоего *enfant terrible*.

– Мисс Моллинэр. Сейчас я попрошу вас показать нам что-то из вашей силы. А если я покажу, тебе это не покажется слишком много?

Молли не думала сейчас ни о госпоже Старшей, ни даже о Ярине, что наверняка при- таилась где-то поблизости. Она смотрела в лица благородных нобилей.

Они так уверены, что смогут с ней справиться?

Маркиз Дорсет очень неплохо бы смотрелся на серебряном блюде в доме госпожи Старшей. Или, вернее, очень неплохо бы смотрелась его голова. Там вообще бы уже стоило собраться немаленькой такой компании.

– Ну, мисс Моллинэр? Вам нет нужды скрывать свои таланты. Мы о них осведомлены, вы это прекрасно знаете. И мы отнюдь не собираемся как-то вас за них карать. Дело не в талантах, а в том, как они используются.

Как они используются, ага, конечно. Ну, лорды, погодите же у меня!..

Локоть-ладонь-пальцы, нет, не стоит. Молли повела плечами, взглянула прямо в глаза маркиза, бросая вызов властвующей там тьме.

– Извольте, – звонко проговорила она, и Жар-Птица развернула огнистые крылья прямо у неё на плече.

Тепло лилось сверху, золотистое сияние обнимало Молли, и она вдруг ощутила себя вновь там, за Карн Дредом, в доме старой колдуньи...

Я должна быть там. Там, и только там. Здесь – не моё место.

...Однако господа пэры изрядно смелы, это точно. Ни тебе вскриков, ни смущения, ни даже растерянности, словно и не опасный магик перед ними. Словно и не подозревают они, на что способна вырвавшаяся на свободу Жар-Птица.

Нет, сидят себе, смотрят – заинтересованно, пристально, но не более.

Жар-Птица шевельнулась, склонила голову, глянула на Молли агатовой бусиной глаза. Можно я полечу?

Молли покачала головой, словно Жар-Птица, творение её собственной магии, могла ответить; если, конечно, не заговорит истинная, первородная Жар-Птица, как это уже случилось раз в доме госпожи Старшей.

Осторожно разжала пальцы, удерживавшие воедино пламенные нити. Жар-Птица потускнела, потухая, – разве место ей здесь, в глубоких подвалах? Её удел – привольное небо, бескрайние леса или полные отсветов пламени тоннели Чёрной Горы, где живёт подземный огонь.

– Достаточно, ваша светлость? – бросила она с вызовом.

В груди вновь разгоралось упоение боем, как тогда, у Мстиславля. Ты выбрала сторону, Моллинэр Эвергрин Блэкуотер. Так не останавливайся же теперь!

К её немалому удивлению, собрание внезапно заплодировало, словно зрители – искусному фокуснику-иллюзионисту.

– Превосходно! – одобрил и маркиз. – Не так ли, дорогой Перегрин?

Герцог молча кивнул. Руки его оставались скрещены на груди, но Молли безошибочно ощущала в нем растущее напряжение, словно он тоже готовился... к чему?

Пэры не испугались, не кинулись врассыпную, они даже и бровью не повели. Не поняли, на что способна сотворённая ею Жар-Птица? Быть может...

– Превосходно, мисс Моллинэр. – Герцог тоже похлопал в ладоши. – Видите, это совсем не больно. Вам совершенно нечего бояться, мисс.

Молли кинула быстрый взгляд на лорда Спенсера – тот по-прежнему стоял, готовый в любой миг выхватить узкий клинок, – и он едва заметно покачал головой.

– Чего ещё желает ваша светлость? – громко и задорно осведомилась Молли. Как бы то ни было, но сейчас она и впрямь не боялась.

– Видите этот стальной шкворень, мисс Моллинэр? Сможете ли вы его согнуть? Или расплавить? Или завязать узлом? На ваше усмотрение, дорогая.

Завязать узлом? Экие вы затейники, как правильно сказал наш девятый эрл... А вот и завяжу!

Она вновь взглянула на Спенсера – но лорд по-прежнему качал головой.

Не надо? Не делать? Но почему? Пусть видят, пусть боятся! Он ведь сам просил показать им!..

Конечно, госпожа Старшая никогда не учила её узлом завязывать шкворни. Но попробовать можно.

Молли встала, обеими руками взялась за стальной толстый стержень, словно гриф штанги, с какой выступают силачи в цирке.

Зажмурилась. Железо, холодное железо. Тут не дунешь, не плюнешь. Огненной плетью его, может, и можно перерубить, но завязать узлом?

Нет, ну точно как в цирке – все словно дыхание затаили, тарашатся на неё, а старый герцог Норфолк из своего инвалидного кресла на колёсах – так просто пожирает глазами.

Локоть-ладонь-пальцы, проговорила она мысленно. Отпустила сталь, развернула руки раскрытыми ладонями кверху, чуть согнула локти...

Всё как на уроке с госпожой Средней. Только там была одна рука, правая. Но я всё равно справлюсь – я же справлюсь, верно?

Сила послушно дрогнула, потекла от плеч и локтей ниже, к кистям и пальцам. Тепло копилось в кончиках, набухало готовыми распусться огненными почками, но Молли не давала ему воли.

Как же мало она знает, как же мало умеет!.. Как учила госпожа Старшая, не одной лишь силой воли управляют магией, есть множество иных форм. Писали ведь особые заклятия особым же письмом, «чрътами и р#зами»⁷, и вообще особыми рунами. И травы были, и камни, и корни, и кости...

Одной волей можно сотворить многое. Многое, но не всё.

Молли не могла сделаться в единый миг силачкой, способной гнуть толстые шкворни. Не могла приказать железному стрежню – ну-ка, завяжись узлом! Много чего она не могла, но уж что могла – делала хорошо.

Тепло потекло с рук в холодное мёртвое железо, и стальной шкворень стал раскаляться.

Молли словно со стороны видела, как стержень начинает краснеть. Ладони её, однако, не ощущали ничего, кроме лишь приятного покалывания.

Алое расплзлось от её рук, возле самых ладоней появилось уже и белое.

Пора.

Она с усилием приподняла шкворень с кронштейнов. Тяжёлый, зараза!.. Запыхтев от натуги, потянула на себя концы, они дрогнули и начали сближаться. Удерживать стержень на весу едва получалось, Молли казалось, что мускулы сейчас начнут лопаться.

И всё-таки она его согнула. И не просто согнула, нет! – свела с перехлёстом, так, что получилось нечто вроде петли.

Выдохнула и, не в силах удерживать больше, с грохотом уронила железо на пол. Ладони начинало жечь, словно они с опозданием почувствовали источаемый ими жар.

Кажется... кажется, она отдала слишком много...

Голова закружилась. Молли кое-как плюхнулась обратно на табурет, потому что ряды амфитеатра и разодетые пэры с их спутницами уже начинали сливаться в один сплошной хоровод.

⁷ «Чръты и р#зы» – в нашей реальности некая докириллическая славянская письменность. Здесь использовано как собирательное название магических символов, букв, знаков и рун.

Держись. Держись. Держись, слышишь?!

– По-моему, этого достаточно! – услышала она резкий голос Спенсера. – Чего вам ещё, Дорсет?

– О, мы ведь только начинаем, мой юный друг Джонатан, мы только начинаем!

Маркиз отнюдь не казался сильно старше графа, но в словах его крылось настоящее оскорбление.

– Вы её убьёте, неужели не понятно?! – Спенсер сорвался на крик. – Она не выдержит, вспыхнет – и что тогда случится со всеми вами?! У вас же ничего не готово! Сгорите вместе с нею! Почему вы вообще устроили это здесь?!

– Терпение, дорогой граф, терпение, – хладнокровно отозвался Дорсет. – Вы же так расхвалили нам вашу подопечную, так расхвалили!..

– Но это опасно! – выкрикнул Спенсер. – Просто опасно!.. Она может не удержаться, и...

– И всё пропадёт даром, такая сила? – вкрадчиво поинтересовался маркиз. – Прошу вас, дорогой Джонатан, держите себя в руках. Возможно, вы слишком много времени провели в северных лесах и не в курсе, что мы здесь, в Королевстве, тоже не сидели сложа руки. А теперь, друг мой, пожалуйста, будьте так любезны, не мешайте нам.

Последнее было сказано ледяным, твёрдым, уверенным тоном, тоном человека, который тоже умеет стоять до конца.

Молли затаила дыхание.

Спенсер, замерший, словно перед броском, тускло поблёскивает полувыдвинутый из трости клинок; и могучий бородач Дорсет, который смотрелся бы куда более уместно где-нибудь за Карн Дредом, в touloure на плечах и с топором за опояской.

– Спокойно, спокойно, джентльмены, – вступил и хозяин Найт-холла. – Сядьте, граф, будьте так добры. Вы, маркиз, продолжайте, не стоит отвлекаться.

– Разумеется, любезный лорд Перегрин, – тотчас кивнул Дорсет. – Мисс Моллинэр? Вы можете продолжать?

Голова медленно переставала кружиться.

– Мы поставим уже знакомые вам камеры, – продолжал маркиз. – Ошибки не должно быть.

Какой ошибки? О чём он вообще говорит?

По рельсам подкатали массивные камеры полированного дерева, с начищенной бронзой; уставились буркалы объективов, сверкнули линзы.

– Третье и последнее задание, мисс Моллинэр, – объявил Дорсет. – Очень простое.

– К-какое? – хрипло спросила Молли, облизнув пересохшие губы. Смертельно хотелось пить.

– Вам хорошо удаётся управлять огнём. Что ж, расплавьте тогда вот этот небольшой предмет. – Шипение под полом. Раскрываются створки, механическая рука поднимает перед Молли короткий – в локоть – серебристый стержень.

Уходят под пол связки и пучки труб с кабелями.

– Вам понятно, что нужно сделать, мисс Моллинэр?

Молли молчала.

Что-то странное творится сейчас тут, очень странное.

– Не надо смотреть на лорда Спенсера, – несколько жёстче сказал Дорсет, перехватив её взгляд. – Здесь распоряжаются совсем другие люди, мисс. Начинайте! Ручаюсь, вам с этим не совладать. Жаропрочный сплав, используется на новейших дредноутах и потом...

Молли вскинула руку, ладонь раскрыта, пальцы сжаты.

Да, огонь ей удавался всегда, с самого начала. Ты хочешь посмотреть, надменный лорд? Смотри, как бы модные фалды не задымились!

Бей, сказал ей Спенсер.

И она ударила.

Пламя не шипело, не потрескивало – оно взревело яростным зверем, рванулось потоком, бешеным, клубящимся, плюющим искрами. Оно рождалось из ничего, прямо над её ладонью, и сама плоть становилась сейчас белой, словно раскалённая до предела сталь.

Лица пэров утонули во внезапно сгустившемся сумраке. Струя огня охватила удерживаемый механическими пальцами серебристый стержень, пламя обвилось вокруг него, обняло, слилось с ним; превозмогая уже привычную боль, Молли гнала и гнала силу из себя, не думая, что случится, когда она иссякнет.

Она покажет им всем!..

Серебристый жезл сделался слепяще-белым. Молли казалось, что он даже вибрирует, – но плавиться он не желал.

Вольфрам, или что они туда напихали?..

Стержень теперь сиял, сиял ослепительно. Кажется, он чуть наклонился, но оплывать подобно свечке отнюдь не спешил.

Врёшь, я тебя дожду! Молли стиснула зубы. Она была вся мокра от пота и тоже не собиралась сдаваться.

...И в какой-то момент стержень таки дрогнул. Дрогнул и начал ощутимо клониться на сторону. Или это поддались жару его держатели? Нет, она ведь специально старалась их не трогать...

Стержень кренился. Всё заметнее, всё быстрее. Заваливался набок, острые грани отпила оплывали, подобно тающей свечке. Блистающее сияние вдруг начало тускнеть, сквозь вихри пламени пробивалась чернота, расползавшаяся по неведомому металлу.

Достаточно?..

Молли остановилась. Тяжело дыша, упала на одно колено – приступ дурноты, тягостной, выворачивающей наизнанку. Сила ушла, она растратила её – почти всю, да, однако потом магия вновь её наполнит, не может не наполнить!.

Окружающий мир вернулся не сразу, не вдруг – но вернулся внезапно прорезавшимися и достигшими её слуха аплодисментами.

Дорсет и Девоншир с двух сторон подхватили её, помогли сесть обратно на табурет.

– Вот и всё, мисс. – Маркиз потёр руки, алчно, жадно, чуть ли не плотоядно глядя на Молли. Точно... точно собирался её сожрать сырой и даже без соли. – Смит! Линнер! Что на камерах?..

В дальнем углу сцены, в полу, открылся люк, оттуда высунулась голова в машинистском шлеме и очках.

– На всех циферблатах ноль, ваша светлость!..

– На всех циферблатах ноль, – торжествующе повторил маркиз. – А до начала испытаний?

– Сорок четыре, сорок шесть и пятьдесят один! – отрапортовала голова.

– В среднем сорок семь, – мигом подсчитал Дорсет. – А теперь – ноль. На всех циферблатах. – Он повернулся к аудитории.

– Quod erat demonstrandum, что и требовалось доказать, леди и джентльмены. И мне очень приятно будет пригласить сейчас сюда лорда Спенсера, дабы вы, леди и джентльмены, услышали бы его объяснения.

Молли ничего не понимала.

– Я полагаю, – с прежним самодовольством говорил маркиз, – что это закрывает все и всяческие вопросы по поводу будущности... несостоявшейся *леди* Моллинэр Блэкуотер.

– Что?! – невольно выдохнула Молли.

– Что?! – резко обернулся к ней маркиз. – Вы ещё спрашиваете?! Нет, поистине, наглость ваша беспредельна. Вашей афере, милочка, пришёл конец!.. Вашей и вашего покровителя!..

Пэры повскакивали на ноги, поднялся ужасный шум.

– То, что наш юный друг Джонатан принял за «принадлежность» к нашему с вами кругу, леди и джентльмены, – перекрикивал всех громогласный Дорсет, – есть всего лишь «эффект опустошённости», впервые описанный лордом Генри Кавендишем ещё в 1783 году, в малоизвестной, правда, его работе «О пустотных свойствах магических натур», где теоретически это обосновал. Да, мы впервые наблюдаем это на практике, да, мы считали это заблуждением великого учёного. Но вот, леди и джентльмены, вот оно, доказательство!..

Молли сидела ни жива ни мертва.

– Перед нами самый обыкновенный магик, леди и джентльмены. Самый. Обыкновенный. Магик, – по разделениям закончил Дорсет. – И место её не здесь, а в «стакане».

И прежде чем Молли успела хотя бы пискнуть, рядом с ней выросла пара здоровенных слуг в ливреях, миглом нацепивших на неё стальные браслеты наручников.

Глава 3

«Стакан». Опять «стакан». Ну или снова. Так «опять» или «снова»?

Молли лежала на холодном бетонном полу. В камере ничего не было, вообще ничего. Нагой цементный цилиндр, лишённый всяких признаков того, что здесь можно содержать пусть даже и самого закоренелого преступника.

Даже приговорённых к смерти, читала она, в тюрьмах Её Величества кормили, выводили на прогулки, позволяли спать. Даже в день, когда их должны были отвести на эшафот, им приносили их обычный завтрак или обед.

Лорды и пэры подобными условностями себя не ограничивали.

В «стакане» не было ни окон, ни дверей. Её опустили сюда через люк в потолке и оставили – в темноте и неизвестности. Не дали ни еды, ни воды.

Хорошо ещё, что сняли железные браслеты с запястий.

Но там, где милая девочка мисс Моллинэр Эвергрин Блэкуотер, ученица 5-го класса частной гимназии миссис Линдгроув, впала бы в ужас и отчаяние, она нынешняя, *Дева Чёр-*

ной *Воды*, просто лежала, закрыв глаза, и думала, думала, думала, не разрешая себе соскользнуть в бездну кошмара и безнадёжности.

В ней нет правильной «пустоты», угодной лордам? Да бога ради, не очень-то и хотелось. Граф Спенсер ошибся, принял желаемое за действительное? И тоже бога ради, за будущность графа пусть волнуется кто другой.

Она не сопротивлялась, когда её волокли в «стакан». Нужно только подождать, сила вернётся, она всегда возвращается. И тогда мы ещё посмотрим, кто кого, господа лорды и пэры!..

Но ведь они тоже должны это понимать. Они видели, на что она способна. И после этого – бросили её сюда, в «стакан»? Для чего, зачем? Они уже всё знают. Она – не из их числа, она – страшный и ужасный «магик». С ней не о чем разговаривать.

Она должна умереть.

Глаза Молли широко раскрылись. Спиной, ягодицами, ногами – она вбирала в себя могильный холод бетона.

Магик должен умереть. Больше он ни для чего не нужен. Игры закончены. Теперь уже не помогут ни «шпионы варваров», ничего. Лордам это неинтересно.

И даже Ярине до неё сейчас не добраться...

Нет, подруга, осталось только одно – ждать, копить силу и надеяться. Надеяться, что пэры всё-таки не осознают до конца, на что способна она, Моллинэр Блэкуотер.

Потому что иначе они бы просто убили меня на месте, вдруг подумала она.

Тьма давила на широко раскрытые глаза, словно воздух внезапно обрёл вес кирпичей. Молли лежала, мало-помалу погружаясь в странное оцепенение, в то самое, когда начинают приходиться видения. Она возвращалась обратно в Норд-Йорк, и это, судя по всему, был Норд-Йорк, где вообще ничего не случилось, – вот её родной дом, гостиная, Фанни, накрывающая на стол, Джессика, с улыбкой что-то говорящая братцу, ероша ему волосы. Вот её, Молли, комнатка, шипит паровая головка, сама собой ползая по кульману, копируя некий чертёж.

Всё как прежде. На кровати осталась кукла – ай, ай, забыла убрать в шкаф подальше от зоркого Билли, заметит – задразнит до смерти. Вот учебники... тетради... перо с чернильницей... книжки... новые, ещё не разрезанные...

Мирная, счастливая жизнь.

Хотела б ты отказаться от силы, Моллинэр Эвергрин?

Тишина, адская тишина в «стакане».

Хотела бы ты всё вернуть? Сделать всё как было?

Нет. Никогда. Я не отдам того, что делает меня – мною. Госпожа Старшая показала мне путь – там, в подземельях Зверя Земли.

Она зажмурилась. Пялиться в нагую тьму вдруг стало страшно.

Где-то пробирается бесконечными коридорами Найт-холла крошечная мышка Ярина. Где-то в морских глубинах сжимаются и разжимаются тела стремительных кракенов. Ещё дальше, в бескрайних лесах за Карн Дредом, держат куда-то путь госпожа Старшая и оборотни. Госпожа Старшая? Значит, поправилась? Ура!..

Она, Молли, не одна, она не брошена. Сила вернётся, и тогда...

Жаль, что исходный замысел приходится оставить. Молли он нравился. Решительный и элегантный, да, элегантный. А теперь ей просто надо выбраться отсюда.

Она вслушивалась в себя, вглядывалась – и тихо улыбалась во мраке, потому что медленно, постепенно, по капле, но растраченная так по-глупому сила возвращалась. Скоро, скоро её «локоть-ладонь-пальцы!..» раздастся вновь, хоть и беззвучно.

Однако это не ответит на вопросы, на те самые проклятые вопросы, которые так хорошо умеет задавать госпожа Старшая.

Что за «истинную пустоту» имел в виду маркиз Дорсет?

Что она даёт?

Почему так важна?

Почему лорды придают ей такое значение?

Какой «баланс» поддерживают они с её помощью? Да, они способны как-то не то поглощать, не то рассеивать магию – её магию в частности. Но Спенсер явно имел в виду нечто большее.

Нечто много большее.

Это отсутствие магии, да. Но не просто отсутствие. Молли вспоминала подземелья Норд-Йорка, клинки пэров, словно выпивавшие силу, вбирившие её в себя. И первая схватка с ними в работном доме, и последняя, на окраине города, и это злосчастное «испытание» – было, было у лордов нечто, способное вбирать её магию.

Вбирать – и что?..

Её пламя не тронуло Джонатана Спенсера и Эндрю Бедфорда. Они выстояли. Тем или иным способом, но выстояли.

Правда, выстояли они не совсем сами по себе. Их клинки, те самые, что «сто́ят дороже дредноута». Всё дело в них? В их особых качествах? Они способны не то поглощать, не то рассеивать силу, и понятно тогда, почему даже самые могущественные из схваченных малефиков, даже погибая, так и не сумели вырваться. Так?..

Нет, врѣшь, даже если и так, я всё равно выберусь, зло подумала она, вновь открывая глаза.

Выберусь!

Ради мамы и папы, ради братика. Ради Таньши, ради госпожи Старшей, ради её сестёр и...

И ради *него*.

Когда в душе у неё обосновалась, уютно свернувшись пушистой кошкой, спокойная, неколебимая уверенность, что она хочет *его* видеть и хочет быть рядом, сама Молли не знала. И не пугалась уже этого понимания.

Мы сражались плечом к плечу, и это было прекрасно.

Молли ощутила, что улыбается, но не краснеет. Ей не стыдно, ей нечего стыдиться.

Она выберется, как выбрался бы *он*.

Почему-то она не сомневается, что её Медведь обязательно бы отсюда вышел.

Молли слушала и слушала возвращающуюся силу. Как ни странно, ей не хотелось ни есть, ни даже пить. Она просто ждала.

И дождалась. Наверху лязгнул металл, что-то зашипело, сдвинулись тяжёлые засовы. В потолке вспыхнул круг света, и Молли поспешно зажмурилась, закрываясь ещё и локтем – привыкшие к темноте глаза нестерпимо резало.

– Блэкуотер! – глухой, искажённый голос, словно идущий через маску. – Встать!

Молли медленно поднялась, осторожно подпуская к глазам свет.

Вновь шипение, сверху спускается петля.

– Влезайте, – приказал голос. – Ухватитесь за канат. Руки остаются на виду! И помните – мы вас держим на прицеле.

Молли пожалала плечами. Сила ещё не вернулась, во всяком случае, не в количествах, требуемых для серьёзного боя. Пожалуйста, подержу я вам руки на виду, коль уж вы так трясётесь...

Жужжала лебѣдка, петля больно врезалась под мышки, таща Молли наверх. Вот и горловина люка – свет – и четыре фигуры в массивной броне, узкие смотровые щели шлемов, казалось, источают страх и ненависть.

Ей сковали руки, надели кандалы и на ноги. Молли не сопротивлялась. Сейчас это не имеет значения, потому что у неё не хватает силы. А когда силы хватят... тогда это тем более не будет иметь значения.

Когда её сковали, из низкой дверцы вынырнула пара затянутых в чёрное фигур, в масках, полностью скрывавших лица. Выправка выдавала военных или, самое меньшее, офицеров Департамента.

– Сюда. – Её грубо толкнули в спину.

Серые бетонные стены, ещё одна дверь, низкая, узкая...

Брызнули в лицо прожектора. Беспощадный свет, слепящий и режущий, как и всё здесь, на Острове Крови.

Амфитеатр, тот самый, где имело место её «испытание». Заполненные зрителями ряды; однако Спенсера что-то не видно и сцена изменилась разительно.

В своём кресле на колёсах восседал в самом центре герцог Норфолк, скрестивший на груди руки и имевший вид барина, раздражённого до предела глупостью или нерасторопностью слуг.

А окружал его целый лес самых причудливых аппаратов, аппаратиков и аппаратищ, какие только доводилось видеть Молли. Широкие раструбы направлены на некое пустое место примерно в семи-восьми футах от рассеявшегося лорда; гофрированные трубы тянулись к охватывавшим запястья, щиколотки, предплечья и шею Норфолка толстым стальным браслетам. Хотя – стальным ли?..

Было тут ещё множество всяких других труб, циферблатов, цилиндров и прочей махины.

Сам престарелый герцог глядел на Молли с какой-то особой гнусностью, издевательски изогнув бровь. Было в этой полуухмылке-полуусмешке что-то нечеловеческое, что-то змеиное – не просто от змеи, которой, в общем, до человека никакого дела нет и никогда не было, но от змеи сказочной, из мифов и легенд, где «народ Змеи» или сами змеи всегда представлялись страшными, извечными врагами.

Молли стояла, щурясь от ярких прожекторов, словно актриса в какой-то нелепой пьесе. Медленно, по капле, возвращается сила, но пока ещё её мало, слишком мало.

– Встань здесь, – грубо толкнули её в спину.

Молли повиновалась.

– Руки!

Её приковали к стальной раме, пристегнув запястья к рейкам толстыми браслетами. Что-то зажужжало справа – по рельсам подъезжала знакомая уже камера, сверкали выпущенные буркалы объективов.

– Недостаточно, лорд Кавендиш, – донёсся чей-то донельзя почтительный голос. Самого герцога Молли не видела.

– Что? – скрипуче-дребезжаще поинтересовался старый Норфолк. – Что значит «не хватает», досточтимый Перегрин? Вы что же, решили оставить меня как есть?.. Нечего сказать, хорошо придумано!..

– Не извольте беспокоиться, ваша взнесённость, – прошелестел тот же вкрадчивый голос из-за спины Молли, там, куда отъехала камера. – У нас всё заготовлено с запасом. Он будет немедленно доставлен сюда.

– Ну смотрите у меня, – брюзгливо проговорил герцог, тщетно пытаясь одёрнуть манжеты, пострадавшие от металлических браслетов. – Я всегда поддерживал строгое соблюдение очерёдности, ни разу не попытавшись воспользоваться собственными заслугами, чтобы проскочить вперёд других, и вправе рассчитывать на...

– Конечно, мой дорогой герцог, – поспешил вмешаться лорд Перегрин Кавендиш, герцог Девоншир. – Нам просто казалось, что в свете последних событий... – он осёкся. – Но,

вновь подчеркну, ничего страшного не случилось. Мы просто будем следовать изначальному протоколу. Доставьте исходный материал, Вершбоу!

Торопливые удаляющиеся шаги за спиной Молли.

Герцог Норфолк впервые взглянул ей прямо в глаза.

– Что, страшно? – ухмыльнулся он. – Понимаешь, что тебе предстоит? Чтобы знала, что никогда не встать простонародью вровень с нами, родовой аристократией. А кто пытается – всяческими хитростями, – того мы. . .

– Лорд Норфолк! – Голос Девоншира хлестнул, словно кнут. И добавил, уже мягче: – В этом нет нужды, мой дорогой друг. Как уже было объявлено, необходимый уровень не достигнут. Нам поневоле пришлось внести кое-какие изменения в процедуру, что поделывать. Вернуться к исходному плану. Заменить, так сказать, источник. Использовать тот, что и собирались в самом начале.

Норфолк только дёрнул щекой.

– Начинайте уже! – капризно потребовал он. – Неважно, с каким материалом, но начинайте!

За спиной Молли что-то зашипело, заскрипело, застучало, и двое служителей провезли мимо по неширокой рельсовой колее, оканчивавшейся как раз на пустом пространстве перед лордом Норфолком, высокую и узкую клетку, настолько узкую, что даже Молли едва бы в ней поместилась.

А внутри клетки застыл скованный по рукам и ногам человек.

Средних лет мужчина, худой, со всклокоченными тёмными волосами, облачённый в остатки того, что ещё не так давно было, наверное, «приличным костюмом». Некогда белая сорочка превратилась в грязные лохмотья, жилет являл собой одно воспоминание. Брюки в клетку изодраны чуть ниже колен, словно собаки рвали.

Человек отчаянно вертел головой и тоже, как и Молли, жмурился; верно, только что вывели из темноты.

Клетка остановилась. Та же пара служителей ловко, споро и бесшумно отомкнула стенки, раздвинула их. Человека выволокли наружу, поставив прямо перед Норфолком.

Старый лорд аж вцепился длинными тонкими пальцами в подлокотники своего кресла. Губы растянулись в какой-то жуткой гримасе, обнажая желтоватые, но вполне ещё крепкие зубы. Глаза вспыхнули, герцог прямо-таки впился взглядом во взлохмаченного оборванного арестанта.

– Изначально доставленный материал. Вы готовы, ваша взнесённость? – вкрадчиво поинтересовался мягкий голос из-за спины Молли.

– Готов, готов, давно готов! – Граф в нервном предвкушении облизнул губы.

Молли уже должна была догадаться, что тут сейчас произойдёт, но всё равно не могла поверить.

– Тогда мы начинаем, мой лорд. – Позади Молли проскрежетал передвинутый рычаг.

Всклокоченный пленник, похоже, мало что понимал. Ошарашенно крутил головой, а взгляд, скользнувший по Молли, казался совершенно безумным.

На него нацелилась выкаченная по рельсам камера, за её стенками полированного дерева что-то щёлкало и жужжало.

– Всё в порядке, ваша взнесённость. Материал полностью соответствует всем критериям.

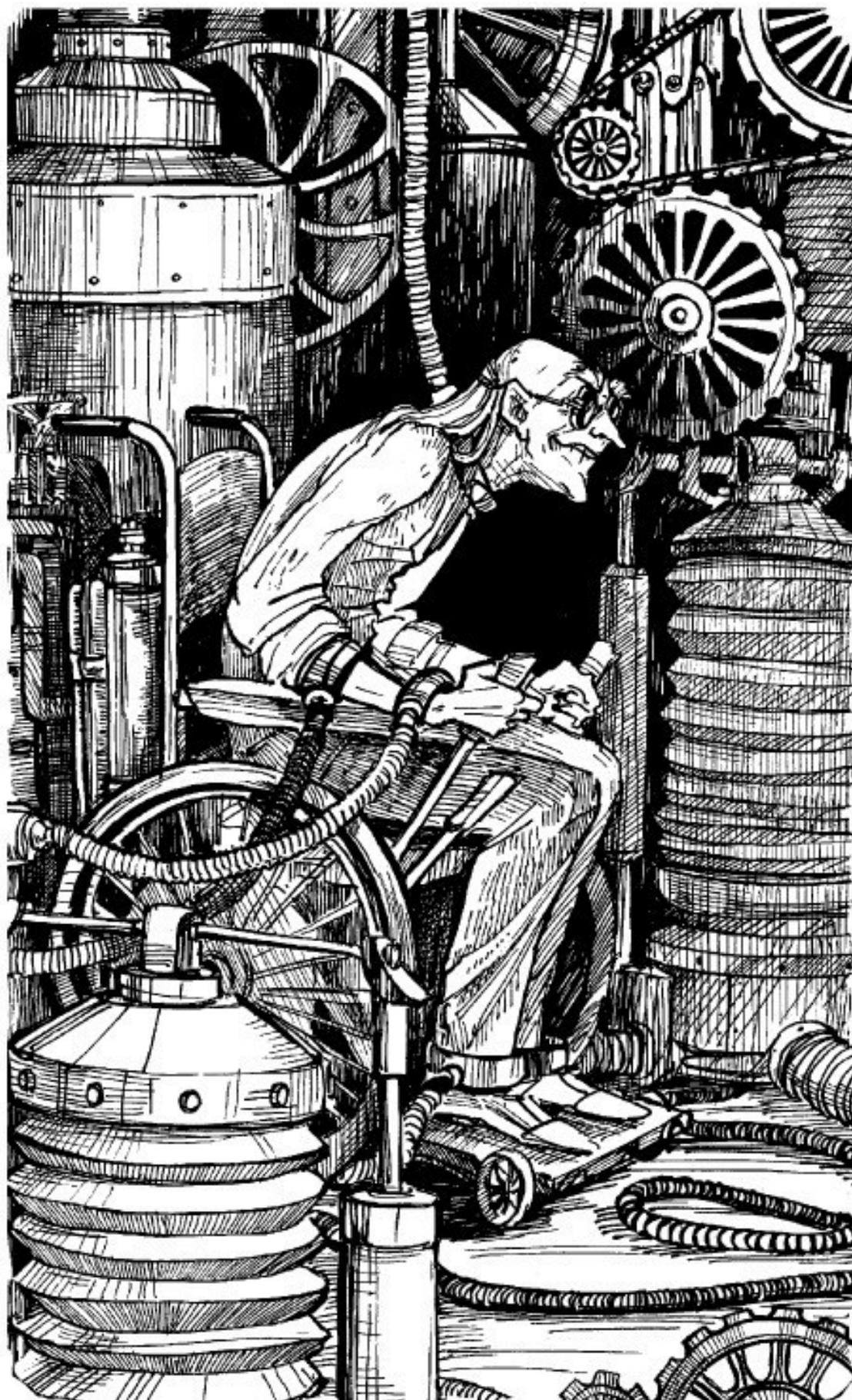
– Ну начинайте же уже! – прохрипел старый герцог. По подбородку стекала струйка слюны. Он явно изнывал от нетерпения.

О ней, Моллинэр Блэкуотер, все словно забыли.

Забыли? Да? Пусть у меня мало силы вот прямо сейчас, но. . .

– Инициация, маркиз. – Лорд Перегрин Кавендиш шагнул к аппаратам. Слуги как раз запирали замки на цепях, притягивавших к полу руки скованного человека.

– С превеликим удовольствием, любезный друг мой герцог, – пророкотал бородач. Лорды и пэры в рядах амфитеатра, похоже, даже дышать перестали.

Оцепенела и Молли. Только теперь она сумела глубже взглянуть в несчастного пленника перед ней.

Человек был, несомненно, магом. И его наполнила дикая, взбесившаяся сила, не находившая себе выхода.

Он же сейчас... он сейчас...

Он сейчас донельзя напоминал того несчастного, что явился к госпоже Старшей, чая защиты и спасения. Не в силах справиться с растущей в нем самой силой, он надеялся, что старая колдунья уберёжет и поможет.

Что ж, госпожа Старшая и впрямь помогла. По-своему.

Но с этим лорды и пэры собирались сотворить нечто совсем, совсем иное...

Наручники врезались Молли в запястья. Они что, не понимают, что делают, все эти благородные леди и джентльмены?!

Бородатый маркиз Дорсет взглянул на неё, взглянул с торжествующей усмешкой.

Руки его в кожаных перчатках легли на плечи пленника.

– Как вас зовут, мистер?... – ласково, как с потерявшимся ребёнком, заговорил маркиз.

– Бейкер... Рой Бейкер... – Человек, словно в трансе, глядел прямо в глаза маркизу.

– Очень хорошо, мистер Бейкер, – прежним тоном произнёс Дорсет. – Вы сейчас скверно себя чувствуете, ведь верно?

– В-верно... – В глазах мистера Роя Бейкера вдруг блеснуло что-то похожее на осознание. – Пойдите... почему я скован? Где я? Кто...

– Вам скверно, – с лёгким нажимом прервал Бейкера маркиз. – У вас кружится голова, вам досаждают тошнота, вам жарко, по жилам словно огонь течёт – верно?

Бейкер кивнул, но уже не столь сомнамбулически.

– Я вам помогу, дорогой мистер Бейкер. Вам станет легче... – Маркиз по-прежнему держал руки на плечах скованного пленника, смотрел тому прямо в глаза.

– По-пойдите... – забормотал вдруг мистер Бейкер. – Я... я вспомнил! Меня... меня схватили! Особый Департамент!.. Обвинили чёрт знает в чём!

– Ну да, мистер Бейкер. – Маркиз не отвёл взгляда, и голос его вдруг сделался холодным, отрезвляющим и жёстким, Дорсет словно на ходу поменял тактику. – Именем Её Величества вас арестовал Особый Департамент, в полном соответствии с законами Империи. Ибо вы – магик. Злокозненный и опасный. Но мы здесь, чтобы помочь вам.

– Помочь мне? Это как? – не сдавался Бейкер.

– Дайте себе волю и ничего не бойтесь! – властно приказал Дорсет. – Кровь ваша обращается огнём – жгите, Рой, жгите! Желание должно воплотиться!

– А-ах-х-х! – Бейкер захрипел, задёргался в цепях. Маркиз поспешно отстранился.

– Пошло! – крикнул лорд Кавендиш.

А старый герцог Норфолк аж подскочил в своём кресле.

Молли ничего не могла поделать.

Кисти рук мага по имени Рой Бейкер побелели, словно раскалённая сталь. Задымилась рукава изорванной рубашки, вверх, к плечам, устремились огненные змейки.

Молли закричала. Слезы покатались сами собой, градом – от ужаса и бессилия.

Пополз жуткий запах палёного. В широко раскрытых глазах старого герцога заплясали огнистые блики, и весь амфитеатр словно превратился в додревний пыточный подвал, где инквизиция добивалась «признаний» от схваченных ведьм...

Бейкер закричал тоже, высоко, тонко, забился в цепях. Сила вырывалась на свободу, та самая сила, что дотла сжигает мага в его последние мгновения; его и всех тех, кому не повезло оказаться рядом.

Руки его горели, огонь перекинулся на волосы, удивительным образом не трогая лицо и грудь. От босых ступней пламя устремилось вверх, вцепилось в оборванные штанины. Он горел – и во все стороны хлестала дикая, несдерживаемая сила.

И очень он напоминал сейчас огнистую тень магика, что мчалась на зачарованной дрезине во тьме подземелий Норд-Йорка.

Молли даже не заметила, как зашевелились, задвигались странные воронки, окружавшие старого герцога Норфолка. Поднялись, развернулись, пододвинулись на длинных рычагах поближе к огню, словно жадно разинувшие пасти диковинные змеи.

И огонь потёк в них. Огонь потёк, а маркиз Дорсет вдруг возник рядом, в руках – нечто вроде кочерги, которой он и принялся тыкать в обречённого Бейкера.

Тот кричал по-прежнему, магия убивала его мучительно, и Молли видела в его ещё живых глазах запредельный ужас – магик всё понимал. Истекающие вовне сила и жизнь пламенной эманацией вливались в широкие пасти воронок и...

Шипение огня. Всё более одуряющий запах палёного. Алые отблески на лицах высокогородных пэров, вырывающие их из темноты, сухой жар, исходящий от клетки с погибающим магом...

Дурнота ударила в голову свинцовой волной – Молли сражалась, она была в боях, в конце концов, убивала сама и видела, как орудует большим ножом госпожа Старшая.

Но тогда это было для защиты других, тех, кто не мог защититься сам, для спасения семьи и друзей...

А здесь – словно настоящее людоедство. Людобойство.

Засветились, задвигались, зашипели все многочисленные аппаратуры вокруг герцога Норфолка. По стальным браслетам, обхватившим его щиколотки, запястья и шею, растеклось багровое свечение, словно металл быстро накалялся.

И самого герцога начало жестоко мять и ломать, Молли почудился даже хруст костей, но это, конечно, была иллюзия – за воплями Бейкера она бы всё равно ничего не услышала.

Жуткое устройство алчно вбирало в себя магию, вбирало, что-то делало с ней и...

И, получается, вливалось в старого герцога. Если, конечно, не думать, что конечной целью всего действия является просто нагрев железных браслетов на Норфолке.

Молли каждый миг ожидала взрыва, удара – наподобие того, что случился со старой Дивеей, уничтожившей ценою собственной жизни половину броневагонов «Геркулеса»; но таяли мгновения, горел и кричал Бейкер, умирал и всё никак не мог умереть, а взрыва по-прежнему не было.

Зато корчившийся и корячившийся на своём кресле Норфолк вдруг судорожно дернулся и забился, словно пытаясь встать, несмотря на удерживавшие его металлические браслеты.

– Оставайтесь на месте, герцог! – рявкнул Дорсет. Он шуровал кочергой, словно в собственном камине.

Это было абсолютно, совершенно нечеловечески. Молли казалось, что сделанная из неведомого материала – точно не из стали! – кочерга чуть ли не погружается в тело умирающего магика.

Норфолк закачался – глаза его сделались совершенно безумными, звериными, – но всё-таки вял.

И Молли досмотрела до конца это чудовищное представление – до момента, когда сила Роя Бейкера стала наконец иссякать и плоть его уступила огню, распавшись чёрным жирным пеплом.

Крик его внезапно оборвался, жизнь пресеклась.

На пол грянулась груда обугленных костей.

Молли застыла, оцепенев от ужаса, боли, омерзения – всего сразу. На щеках слёзы смешивались с потом, из прокушенной губы текла по подбородку струйка крови.

Они убили его, они его убили, – единственная мысль заполнила всё её сознание. Они его убили и забрали силу.

– Как вы себя чувствуете, дорогой герцог? – дружелюбно, с искренней заботой в голосе проговорил маркиз. – Нет-нет, подождите, не торопитесь вставать! Мы должны считать ваши витальные показания...

Камера надвинулась теперь и на самого старого герцога. Впрочем, его уже нельзя было назвать таким уж старым. Исчезла корявость, распрямились суставы, он сидел ровно и прямо, шевеля, словно на пробу, длинными пальцами. Лицо было совершенно безумным, но словно бы озарённым изнутри, точно лорд испытал только что неземное блаженство.

– Прекрасно, друг мой Дорсет, прекрасно! – Голос герцога изменился тоже. Сейчас это был приятный баритон человека, бесспорно, зрелого, далеко не молодого, но безо всяких признаков старческого дребезжания или замедленности. – Снимайте скорее ваши показания, не знаю только зачем, – я прохожу процедуру не в первый раз, а вы всё равно...

– Ваша взнесённость, – усмехнулся Дорсет, – мы продолжаем совершенствоваться установку. Для этого нам нужны точные данные о её эффективности, простите мне столь специальные термины.

Жужжала наведённая на Норфолка камера, суетился рядом с ним невесть откуда вынырнувший врач с фонендоскопом.

– Ну, долго ещё? – брюзгливо осведомился герцог. – Вы, дорогой маркиз, ведь помните, конечно, что я должен сейчас испытывать, какой голод?..

– Разумеется, дорогой друг. В ваших покоях вас ожидает... всё необходимое. – Маркиз неожиданно остро взглянул на Молли. – Так, а эту... отведите обратно в «стакан». У нас подходит время...

– Моё! – раздался женский голос откуда-то с верхних рядов. – Следующая я, милый маркиз!

– Да, верно, дорогая герцогиня, – слегка поклонился тот. – Так, эй, кто там! Убирайте пленную. Она больше не нужна. Пока не нужна.

Герцог Норфолк тем временем аж подпрыгивал от нетерпения.

– Да-да, я знаю, любезный друг, – улыбнулся маркиз. – Чувствуешь себя словно родившимся заново.

Двое служителей отстегнули руки Молли от железной рамы. В спину упёрся ствол револьвера.

– Мы успеем выстрелить первой тебя, – злобно прошипели ей в ухо.

– Шевелитесь, вы, лентяи! – бросил маркиз уводящим Молли слугам. – В «стакан» её. Номер один, не перепутайте. Камера высшей защиты. И приберите наконец, сколько можно этим костям здесь валяться! А вы, мой добрый друг Норфолк, можете встать, да, можете встать...

Молли уходила с приставленным к спине револьвером. Позади неё раздались аплодисменты и голос маркиза Дорсета:

– Да, да, леди и джентльмены, наш дорогой лорд Норфолк встаёт, так сказать, с сиденья скорбей!..

Её вытолкнули в коридор, и узкая дверь захлопнулась.

Молли кое-как переставляла скованные цепями ноги, сейчас совершенно не замечая кандалов.

Перед глазами стоял сгорающий заживо человек. Она не упала в обморок, она смотрела до самого конца, заворожённая ужасом этой смерти. Да, старая Дивея тоже сгорела когда-то у неё на глазах, но то было в бою... и не так. Совсем не так!

Пэры Империи притащили сюда, в свою твердыню Найт-холл, схваченного где-то магика, магика, стоявшего на самой грани самоуничтожения. И... они дали ему сгореть, вдобавок как-то ускорив сам процесс.

А истекающая из умиравшего сила оказалась перехвачена неведомыми воронкообразными устройствами и... «вквачана»? – в престарелого герцога Норфолка.

И судя по всему, бодрости у него прибавилось. Весьма существенно.

Что всё это значит? Лорды научились лечить болезни? Но почему тогда такое страшное жертвоприношение? Им нужна сила? Магики с радостью отдали б всё, расстались бы с ней, чтобы только остаться в живых. Для подавляющего большинства схваченных Особым Департаментом выбор был бы совершенно естественен.

Вам нужна сила? Да пожалуйста! Сколько угодно! Откуда это зверство, зачем, для чего?

Молли не знала ответов. Её просто мутило от ужаса и отвращения. Сейчас даже пресловутый «стакан» казался раем земным, где она сможет закрыть глаза и перестанет наконец ощущать жуткий запах палёной плоти.

Всё, вот она, заветная горловина. С Молли снимают кандалы, накидывают петлю под мышки, начинается спуск в темноту.

Она не сопротивлялась и вообще почти ничего не замечала вокруг себя.

Лязг захлопнувшегося люка. Всё, «стакан». Другой, не тот, где её держали до того.

Правда, на сей раз она оказалась не в полной темноте. Два неярких газовых рожка под самым потолком давали свет; у стены обнаружилась лежанка, на ней – кувшин с водой и краюха хлеба.

Сюда помещали пленников, которым предстояло жить ещё какое-то время.

Молли заставила себя поесть. Живот отказывался принимать пищу, но она не имеет права быть слабой в тот миг, когда сила вернётся в достаточной степени. И тогда мы ещё посмотрим, кто у нас будет гореть!..

На лежанку брошены тощий матрас, как после голодовки, и такое же тонкое дурно пахнущее одеяло. Молли кое-как расшнуровала ботинки, легла, накрываясь с головой. Надо уснуть. Просто надо, пусть даже перед глазами стоит жуткое сожжение несчастного магика.

По капле, тонкими струйками сочится обратно в неё сила. Медленнее, чем ей бы того хотелось; словно после Мстиславля...

– Пи-пи-пи...

Что-то запищало и зашебуршилось у самого лица Молли.

Крошечная серая мышка – господи, откуда она здесь? Как пробралась?

– Пи-пи-лежи-не-шевелись. – Ярина возникла в пространстве между телом Молли и стеной. Тоненькая и невысокая, она тонула в тени, и даже самому внимательному наблюдателю показалось бы, что пленница просто чуть сдвинулась, переворачиваясь.

Как же я рада её видеть – у Молли защипало глаза. Сумела, пробралась, проникла!..

– Я тоже рада, – горячо зашептала Ярина Молли на ухо. – Ну и дела, подружка! Ну и дела! Ко всему я готова была, но такого...

– Они убивают магиков, – одними губами еле слышно отозвалась Молли. – Убивают и впитывают их силу... и... лечат своих...

– Вот боюсь, что не только лечат, – вздохнула Ярина. – Омоложивают. Но слушай! Кейт Миддлтон – она тоже здесь. Видно, привезли на том же броненосце.

– Кейти? Зачем, интересно, она здесь? Она ведь ни с какой стороны не магик!

– Кабы знать! Сама стараюсь разведать. Держат её заперти, но не в «стакане», как тебя. Просто комната на верхнем этаже, запертая на ключ. Я б её вскрыла на раз-два, но куда потом бежать? Мы даже не в Норд-Йорке, тут подвалами не скроешься.

– А больше никого?

– Подозрительного? Нет. Ты да я да Кейти, все остальные – лорды и пэры. Ну, это если слуг не считать. Им, должно быть, за молчание неплохо платят. Ах да, вот ещё что – у нашего дружка графа Спенсера изрядные неприятности. Герцоги, ха-ха, им не шибко довольны.

– Что с ним? Арестовали? Засадил под замок?

– Не-е, своего брата пэра они – да чтобы под замок? Ты что, Молли! Я только подслышала, что нынче ночью собирается вся компания – решать, что с ним делать. Но нам с тобой это ведь всё равно, да? Чем меньше пэров, тем лучше!

Молли промолчала. Граф Спенсер был, конечно, врагом. Но...

– Даже и не думай! – зло, совсем по-взрослому прошипела Ярина прямо ей в ухо. – Вражина он такой же, как и все остальные! И коль эти пэры меж собой грызутся – нам только прямая выгода!

Да, это правда. И всё-таки, всё-таки...

– Сперва выберись отсюда, – мрачным шёпотом посоветовала Ярина. – А это ой как нелегко!.. Думаешь, просто так тебя сюда засунули? В обычную камеру? Не-ет, подруга, здесь такие стены и перекрытия, что любой взрыв выдержат, вплоть до того, каким Дивея старая «Геркулес» разнесла!.. Знаю, о чём ты думаешь, мол, силы соберу и всё тут порушу, так вот, можешь и не совладать!.. Дождись, когда тебя отсюда выведут, и уж тогда!..

– А неужто пэры не предусмотрели, что магик-то может и не в «стакане» вспыхнуть? Или их самих попытается достать – ему терять нечего, магию?

– Э-э, нет, – вздохнула Ярина. – Пэры не дураки, увя. Магиков, как я поняла, чем-то одурманивают, когда из «стаканов» вытаскивают. Это во#первых. Во-вторых, очень мало кто из здешних, у кого есть сила и кто угодил в Особый Департамент, умеет что-то со своей силой сделать, особенно если руки скованы. Не удивляйся! Сама ведь знаешь, с жестом куда проще, чем с одной только мыслью.

– Знаю...

– Вот то-то же. Не попадалось им в руки ещё таких, как ты, Молли. Недаром и охотятся-то они за своими собственными чародеями, не за нашими. Знают – с нами так просто не совладаешь!

– Ну я-то уже здесь. И я – не просто магик, кого схватили на улице или из постели вытащили, кто от страха одурел и ничего не соображает. Как они со мной-то надеются убе-речься?

Ярина помолчала.

– Не знаю, подруга. Всё ты верно говоришь. На что ты способна, им ведомо. Значит...

– Надеются на те штуки, что силу поглощают? – осторожно предположила Молли.

– Наверное. Откуда у них вообще такое взялось? И клинки эти... и тот стержень, что ты расплавить пыталась, силу на него растратила... Из чего они? Вольховне Старшей будет над чем подумать.

Некоторое время они обе сосредоточенно молчали.

– Что они хотят со мной сделать?

– Что, что... – еле слышно вздохнула Ярина. – То же, что и с этим беднягой Бейкером. Они и хотели, кстати. Тебя изначально должны были спалить вместо него. Да повезло – силу ты растратила, не оказалось её в тебе на тот миг, пришлось им «запасённый матерьял» в дело пускать.

Молли замерла.

Когда тебе только что исполнилось тринадцать, о смерти как-то не думаешь. Даже глядя ей в лицо, в свой собственный конец не веришь. Но сейчас, когда на внутренней стороне век так и остался запечатлённым жуткий конец такого же магика, как и она сама, – слова Ярины прозвучали особенно убедительно.

– То есть сжечь. – Она не спрашивала, она утверждала.

– Сжечь, – шепнула Ярина. – Но вот чёрта с два у них что-то выйдет! Ничего у них не выйдет! Тебя сжечь – да они скорее сами сгорят!

Всегда ехидная, ядовитая, насмешливая, сейчас Ярина шептала с почти лихорадочной убеждённостью, без тени сомнения.

– Ты сможешь, ты, Deva Chernoi Vody, – последние три слова она произнесла на родном языке, – только ты и сможешь! Ни волки, ни медведя!

– А что такое «дева чёрной воды»? – едва слышно осведомилась Молли. – Это ж просто моя фамилия по-вашему?

– Нет, – шепнула Ярина. – Есть... такая skazka. Жил да был у нас некий князь-воевода, чуть ли ещё не до Izvorota, по-вашему – Катаклизма. А может, уже и после, не знаю. Был он молод да пригож, много девиц по нему сохло-печалилось, однако никак не мог себе он суженую выбрать. Всё ему недосуг, потому как превыше всего любил он бранные забавы. Первым был и на мечях, и на топорах, и стрелой в шапку подброшенную попадал на лету. И вот говорит ему как-то старая его мать, мол, сынок, пора тебе таки жениться, хочу я на красивую невестку полюбоваться, счастьем твою порадоваться, внуков нянчить-растить! Видит князь, деваться некуда, не посмел он матери перечить и говорит: «Воля твоя, матушка, а только где ж мне достойную жену отыскать? Ибо хочу, чтобы была мне под стать, сердце моё понимала бы!» Ну, старушка мать, не будь дура, послала сыночка к Бабе-яге...

– Это к кому? – Молли невольно заслушалась.

– А это как Вольховна Старшая, только из сказки, – шёпотом фыркнула Ярина. – Ведьма лесная, в избе на курьих ножках живёт, на заборе вокруг дома...

– Головы говорящие?

– Не, черепа. Короче, сердитая ведьма Баба-яга, коль прогневаешь её, так и съесть может...

– Ой, может... Или выдрать.

– Или выдрать, – согласилась Ярина. – Но может и помочь. Вот она, значит, князь-воеводе и говорит нашему, мол, знаю, знаю, внучек, твою тоску-кручину! Ровню себе ищешь! Исполни три дела для меня, и коль исполнишь – помогу!

– А просто так, значит, не могла?

– В сказке – нет, не могла, потому что помогает только достойным. В общем, исполнил князь три задания, шкодливого лешего изловил, русалку, что рыбаков донимала, прогнал, даже великана, с севера забредшего, одолел.

Взялась за дело Баба-яга. Всяких девиц явила она князю, лихих богатырок, бесстрашных ведуний, даже кормчую лоды, что далеко в морские пределы хаживает, да только ни одна князю по сердцу не пришлась.

Рассердилась Баба-яга и говорит, дескать, ты, милоч, насмехаться надо мной пришёл, не подмоги искать! За такую дерзость я тебя съем!

Ешь, говорит князь. Дай только с матерью родной проститься, не исполнил, видать, я её воли...

Жалко стало Бабе-яге князя, и говорит она: «Ну, раз такое дело, вот тебе последняя моя помощь. Бери клубочек. Выведет он тебя на дорогу, а на другом конце той дороги дева живёт, у берега Чёрной Воды, заколдованного озера. Никто из нас не знает, что это за дева, в наши дела она не вмешивается. Сказывают, великая воительница!.. Но коли и с нею не поладишь – пеняй на себя».

Поблагодарил князь Бабу-ягу, взял клубочек. Повёл он его лесами, полями, неизвестными тропами, вывел на дорогу нехоженую. Прошёл князь и её; и открылось ему туманное озеро с чёрной водой, а над озером – каменная башня, и спускается оттуда дева красоты неопишуемой и говорит, мол, с чем пожаловал, княже?

Ищу, отвечает ей князь, свою суженую, – а сам с девы глаз не сводит.

Улыбнулась она ему и говорит – нет, княже, не в замужестве моя доля. Стерегу я границу земель людских, а страхи такие к ней подбираются, что даже Баба-яга, тебя сюда направившая, о таковых не слыхивала! Но все эти страхи в чёрной воде моего озера тонут, ни один выбраться не может. Не проси, князь, ничего я тебе не отвечу.

Опечалился князь, но говорит – позволь мне рядом с тобой сразиться. Негоже мне, воину, от опасности бежать, что моему же княжеству угрожает.

Долго отговаривала его Дева Чёрной Воды, да князь не согласился. А пока спорили они, взволновался туман на берегу, поднялись над гнилыми топиями неведомые чудища, в железную броню закованные, выше леса, выше крыш, загремели, загоготали, да и пошли на князя с девой.

Не испугался князь, взялся за верный меч, да только отскочил клинок от железной брони чудища. И раз, и другой, а на третий и совсем сломался.

А Дева Чёрной Воды чары неведомые наложила, да такие, что у князя мороз по коже. Почудилось ему, словно мёртвые восстали; а дева сама повела чудовищ за собой прямо в озеро – там они все и потонули.

Глубоко оно у меня, говорит дева, на всех места хватит! Приходите ещё!

Устыдился князь совсем, буйну голову повесил. Говорит ему прекрасная дева – каждый своё дело делает, по-своему землю обороняет. Кто мечом, кто магией, а кто – прялкой да люлькой, ибо без них – кому нужны наши мечи да чары? Ступай-ка ты, княже, домой.

Не сказала больше ни слова и в тумане растаяла.

Поехал князь домой грустный, ибо казалось ему – в такую бездну заглянуть пришлось, что и не порадуешься больше вообще ничему...

Ну, там ещё долго, потом тебе расскажу как-нибудь, а сейчас помчусь уже! Разнюхаю, что у них там и как, и куда, в случае чего, нам с тобой бежать.

– Эй, эй, стой! – всполошилась Молли, едва не забыв, что даже возмущаться сейчас следует шёпотом и не шевелясь. – Хоть одним словом скажи, чем дело кончилось!..

– Одним не скажешь.

– Но всё ведь хорошо кончилось? Хорошо, правда?

– Конечно, – очень по-взрослому шепнула Ярина на ухо Молли.

И вдруг сама быстро клюнула Молли в щеку сухими шершавыми губами, за миг до того, как вновь обернулась мышкой.

– Ну во#от...

Но Ярина уже стремительно скользнула в тёмное зарешечённое отверстие стока в самой середине «стакана». Вот она была и нету – пробирается сейчас тёмными тесными трубами, рискуя упереться в запор, да и просто утонуть, вздумай кто-нибудь открыть краны.

Она не боится, маленькая маг-превращальщица, единственная, у кого есть этот дар. И я, Моллинэр Блэкуотер, не должна бояться. Не имею права.

Тяжело дыша, она свернулась клубочком на жёстком лежаке.

Я не должна бояться. Даже теперь, когда я знаю, зачем пэрам магики. Особенно теперь, когда я знаю. И знание это должно достичь госпожи Старшей. Уж она-то придумает, как с этим поступать.

А я просто должна вырваться отсюда, раз уж не удалось сделаться тут своей, среди лордов и пэров.

И Молли лежала, вновь и вновь, словно перед волшебным фонарём, прокручивая увиденное сегодня: пламя, охватившее магику, вырвавшуюся на свободу силу – и старого лорда Норфолка, жадно вбирившего её.

И как потом этот лорд встал, изрядно помолодев.

Так, может, они, того... бессмертны? – похолодела Молли. Что, если они научились отодвигать и отодвигать смерть?

Но даже если и нет, если они просто умеют омолаживать своих – это всё такое благо, что за него будут драться до конца, вплоть до зубов и ногтей.

А ведь сколько хорошего они могли бы сделать с таким устройством!..

Время катилось над съёжившейся Молли, словно морской прилив. Остров Крови погружался в ночную тьму, в наглухо запертый «стакан» не проникало ни звука, и даже всегдашних «шагов стражи», что имелись в каждой приключенческой книжке, где герою приходилось побывать в заточении, слышно не было.

Медленно возвращается сила, но этого всё ещё мало, слишком мало. Молли не удалось взять верх даже над парой лордов – Спенсером и Бедфордом – в работном доме, хотя тогда она пустила в ход всё, что у неё имелось.

Так что даже будь она в полных силах, едва ли попытка вырваться отсюда стала бы лёгкой прогулкой.

Да и куда вырываться? Остров – он остров и есть. И кто знает, сумеют ли ей помочь питомцы госпожи Старшей?..

Всё, всё пошло не так! – сжала она кулаки. Проклятый маркиз, хитрая бестия... сообразил!.. Эх, лорд Спенсер, лорд Спенсер, попался ты, как сказала бы Таньша, говно куг в oship. Поговорить бы с ним сейчас – глядишь, до чего-нибудь интересного и договорились.

Ой, нет, нет. Спенсер, скорее всего, попытается сорвать на ней зло за неудачу всей своей комбинации. Гордость у него превыше всего, так что...

Я вырвусь отсюда. Непременно вырвусь, твердила Молли, словно заклинание или даже молитву. Им придётся вытащить меня отсюда хотя бы для того, чтобы «одурманить». И вот тогда...

«А пока спи!» – приказала она себе. Спи и думай о нём. О том, как вы будете просто стоять рядом или сидеть где-нибудь в укромном уголке под кедрами, слушая их вечный шёпот и глядя, как над бескрайними лесами гаснет вечерняя заря, а рядом уютно потрескивает костерок.

И можно привалиться к тёплому мохнатому боку огромного медведя, забыв обо всём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.